Рос 4-4 / 1-420 П 9968
вх 828 22/X-63.
Отдел литературы русского зарубежья
95-57
1 экз

№ 67 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ИЮЛЬ 1963 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

39-й год издания

РАВЕНСТВО — ОСНОВА БЛАГОПОЛУЧИЯ

Пока на земле не будет равенства — до тех пор и добра не будет. Ибо равенство — основа всего. Даже свобода без равенства теряет свое значение.

Но что такое равенство?

Здесь, как и везде, возможны фальсификации. Можно, например, идею равенства подменить — и подменяют часто — обыкновенным уравнением, или уравниловкой, как теперь принято выражаться. Классическим примером уравниловки до сих пор считается легендарное Прокрустово ложе, получившее известность на том основании, что его инициатор, легендарный древне-греческий разбойник, приказывал своим соратникам укладывать всех пойманных людей в особую кровать, и тех, кто ростом не соответствовал размерам кровати — велел укорачивать или же растягивать. Несмотря на то, что Прокрустово ложе не что иное, как самая обыкновенная легенда (при том, весьма жуткая), но находятся люди, которые на основании этой легенды пытаются доказать, что равенство, кроме бедствий и страданий, ничего иного человечеству не принесет. Как на дополнительное подтверждение своей концепции люди эти ссылаются иногда на порядки, установленные большевиками, где тоже будто бы осуществлено равенство — все нищие и бесправные.

Надо сказать, что люди, так утверждающие, правы по-своему. Но правы они только потому, что большевики и Прокруст никогда и не помышляли об установлении равенства на земле. Их дела и поступки — явная противоположность равенству.

Находятся и такие люди, которые отрицают равенство на том основании, что в природе нет идентичности. Излюбленным примером тут являются листья дерева. Указывается на то, что на дереве нельзя найти даже двух листьев во всех отношениях одинаковых. Каждый лист имеет свои особенности. Значит ,и каждый человек чем-то отличается от других. Иначе не оправдывалась бы практикующаяся некоторыми правительствами своеобразная паспортная система — отпечатки пальцев.

Эти люди тоже по-своему правы. В природе, действительно, нет идентичности. Но.... „мы разные, но равные" — сказал однажды Бакунин. Этими немногими словами сказано все. По своему природному происхождению мы — разные, но в социальном отношении — равные. (Правильнее сказать: должны быть равные, ибо настоящего равенства еще нет). Как на пример, можно сослаться на то же дерево, на которое ссылаются противники равенства. Хотя листья дерева по внешнему виду не одинаковы, но они одинаково пользуются всем необходимым для их жизни. Среди них нет пасынков и баловней. Если некоторые листья и находятся в лучших условия, то просто в силу случая, а не потому, что они лучше других. В природе нет привилегий. Нет лучших и худших.

Все одинаковы, хотя и разнятся по своему внешнему виду.

Одинаковая возможность удовлетворять свои жизненные потребности, — будь то лист дерева, полевой цветок, лесной зверь или же современный культурный человек, — и есть равенство. Рост может быть разный, цвет тоже разный, даже ум может быть разный, но возможность жить должна быть для всех одинаковой.

Было время когда жизнь человека мало чем отличалась от жизни других существ. Шел человек по дороге жизни таким, каким его создала природа. Низшие существа и теперь так живут, но человек уже так не живет. Даже население отсталых стран далеко ушло от своих пещерных предков. Человек преобразовал жизнь, сделал ее сложнее и интереснее. Даже те, люди, которые все еще остаются за пределами науки, живут в условия, созданных наукой, и пользуются благами, достигнутыми при помощи науки. Миллионы людей разъезжают в автомобилях, другие миллионы летают на аэропланах, — а многие-ли знают как сделать (или же как сделаны) эти сложные машины? Телевизор стал достоянием чуть-ли не грудного ребенка, — а многие-ли имеют понятие об его конструкции?

Наука прочно вошла в жизнь и значительно облегчела ее. Но к чему это — могут спросить нас? А вот к чему.... Если наука в жизни играет такую важную роль — а этого никто не осмелится отрицать, даже духоборцы, ибо, и они пользуются плодами науки — то простая логика требует, чтобы доступ к науке был для всех одинаков. Все должны иметь возможность учиться с малых лет. Ни расовых, ни классовых, ни сословных, ни денежных барьеров не должно быть. Наука — общественное достояние, поэтому она и должна, как и церковь, например, быть открыта для всех. Над вратами зданий науки, как и над вратами храмов, должно быть написано: „Приидите ко мне все...”

Одинаковая возможность учиться — первое условие равенства. Второе условие заключается в одинаковой возможности пользоваться всеми теми материальными предметами, без которых нормальная жизнь в наше время немыслима (да и никогда она немыслима). Третье условие — одинаковое распределение юридических прав.

Когда эти условия станут совершившимся фактом, когда у всех будет хлеб и кров, когда за право учения не нужно будет платить, когда цвет кожи не будет препятствие для поступления в университет, когда никто не будет командовать и понукать другим — тогда и установится на земле равенство. Люди и тогда, как и теперь, по своему происхождению будут разные, но в социальном отношении они будут равные. Никто никого не будет нести на своих плечах. Каждый будет идти своими собственными ногами.

Таким образом, равенство и уравниловка — не одно и тоже. Людей нельзя подогнать под одну мерку. Только колья в частоколе можно сделать совершенно одинаковыми по размеру, но не людей. Люди всегда будут чем-либо отличаться друг от друга, но с торжеством принципа равенства они будут иметь одинаковую возможность не только жить, но и творить. В настоящее время многие люди никакого участия в творчестве не принимают: одни потому, что не хотят, а другие потому, что не могут. В высших слоях всякий труд считается позором. Праздность и безделие там считается идеалом жизни. В низших слоях вся жизнь проходит в беспрерывном труде, но труд этот в большинстве случаев не созидательный. На свете еще много людей, не умеющих ни читать, ни писать. Такие люди ничего не могут создать. Ничего не могут создать и те люди, которые научились только свою подпись поставить на оборотной стороне чека. Даже в передовых странах людей с университетским образованием сравнительно мало. А в странах отсталых — еще меньше. Начальные школы — единственное образованние для большинства людей в наше время. Само собой понятно, что эти люди творцами жизни быть не могут. Они лишь потребители, лишь пожиратели имеющегося готового, что в свое время привело в ужас английского ученого Мальтуса, решившего, что с течением времени, люди, как саранча, все съедят, и останется только голая земля и блуждающие в сумерках сознания последние представители человечества.

С осторожностью равенства, с открытием свободного доступа во все учебные заведения — картина резко переменится. Тогда люди, если не поголовно, то в подавляющем большинстве станут творцами. Они будут не только поглощать уже имеющееся готовое, но и будут создавать что-то новое, раньше не бывшее в обиходе. Количесво предметов нужных при жизни каждого человека, быстро увеличится. Если уже теперь в некоторых индустриально-развитых странах (напр. в США) наблюдается обилие на рынке некоторых товаров, то тогда, когда в творческой деятельности примут участие широкие слои населения, товаров этих станет еще больше. Но теперь обилие товаров на рынке ведет, как это ни странно, не к радости, а к печали. Как только рынок начинает заполняться товарами — фабрики начинают замедлять ход и рабочих начинают выбрасывать на улицу. Нависает безработица...

В свободном обществе этого не будет. В свободном обществе о безработице совершенно забудут, ибо тогда не будет барьера между товарами и потребителями — денег. Теперь для того, чтобы приобрести нужную вещь, нужно за нее заплатить, в свободном же обществе никто ни за что платить не будет. Каждый будет брать то, в чем он нуждается, взамен чего будет давать обществу то, что он имеет. Обилие товаров на рынке вследствие этого станет благодатью, а не проклятием. Никто не будет бояться перепроизводства, никого не будет пугать безработица. Маховые колеса индустрии не только не будут замедлять свой ход, но с каждым разом будут ускорять его. Наука во всех ее проявления, как освободившаяся от пут лошадь, понесется галопом вперед. И если теперь, когда в университеты попадают сравнительно немногие, наука шагает гигантскими шагами (как обычно выражаются), то тогда, когда университетское образование станет доступно всем, наука еще быстрее пойдет вперед. Механизация и автоматизация производства примут до того широкие размеры, что человеку фактически ничего не придется делать. Все будет выполнять машина. И тогда ехидный вопрос, часто задаваемый анархистам: ,,кто будет чистить выгребные ямы?" — утратит свою остроту. Выгребные ямы, а также и все прочие ,,ямы" будет чистить машина. Жизнь на земле из юдоли страданий превратится в настоящий рай. Человеку уже давно кто-то дал кличку: ,,царь природы". Но эта кличка до самого последнего времени звучит насмешкой. Не только царем, но даже обыкновенным человеком во многих случаях человек еще не может быть. Ибо разве можно назвать человеком того, кто всю свою жизнь носит кого-то на своей спине. Не человек это, а тем более — не царь, а вьючное животное. В свободном обществе этой насмешки, конечно, не будет. Не будет не только отому, что свободное общество исключает юридическое порабощение, но и потому, что тогда не будет невежества. Все будут учиться, все будут знать законы природы и кличка ,,царь природы" получит свое полное оправдание. В наше время трудно даже вообразить все те выгоды, которые человечество извлечает из всеобщего образования. Самая смелая фантазия не может нарисовать полной картины. Если уровень жизни в некоторых странах сейчас, когда сравнительно небольшой процент населения получает надлежащее образование, довольно высок, то тогда, когда у всех будет возможность добиться высшего образования, уровень жизни станет еще выше. Едва-ли мы попадем в число фанатиков если предпожим, что человеку в благоустроенном обществе совсем не придется работать. Всю его работу будут выполнять созданные им же машины. Человеку придется лишь следить за действием машин и думать о том, как бы их улучшить или же заменить новыми, более усовершенствованными. Интеллектуальная работа станет единственным занятием человека, что ему, как царю природы, как раз и подобает. В результате этого появятся не не только новые сложные аппараты, несущиеся в космос, но и новые Шекспиры, новые Бетховены, новые Пушкины, новые Спинозы и так без конца. В недрах населения, как и в недрах природы, таятся огромны сокровища, — материальные в природе, а в недрах населения — духовные. Сокровища эти до сих пор мало исследованы и мало использованы. Ломоносовых можно по пальцам перечесть. Не все могут придти в Москву в лаптях, упереться лбом и все раздвинуть. Такую характеристику дал Ломоносову В. Дудінцев в своем романе ,,Не хлебом единым"). Большинство больших и малых Ломоносовых остаются в неизвестности. На школьных скамьях сидят часто бездарности и посредственности — ибо их родители в состоянии заплатить любую сумму денг за право учения. А настоящим талантам во многих случаях приходится возить тачки да киркой долбить — ибо у их родителей на спички нет денег, а не то, чтобы платить в университет. В благоустроенном обществе ничего подобного не будет. В благоустроенном обществе всякий талант сможет проявится во всю свою величину, вследствие чего наука и искусство заиграют всеми переливами радуги.

Еще тогда, когда мы ходили в школу, нам твердили, что ученье — свет, а не ученье — тьма. Твердили это и задолго до нашего появления на свет. Увы, эта святая истина до сих пор остается лишь на бумаге. Свет учения все еще не проник в многие уголки общества. Тьма и невежество все еще нависают, как темная ночь, над человечеством. Даже в тех странах, где уже нет ,,кухаркиных детей" (под эту кличку в былые времена подходили дети бедняков, которым доступ в высшие учебные заведения был закрыт) — свет учения еще не разливается равномерно. ,,Кухаркиных детей" нет, доступ в университеты теоретически всем открыт, но не у всех найдется в кармане 2,000 дол. для того, чтобы заплатить за один семестр. Баснословно высокая плата за право учения в сущности сводит на нет теоретический свободный доступ в университеты. Право как будто распространяется на всех (за исключением негров), но попробуй переступить порог университета без денег в кармане.... Даже в тех странах, где учение как будто бесплатно (та-

кой страной, как уверяют, является СССР) даже там не все могут уичться, ибо... желудок не позволяет. Когда человек голоден, то он прежде всего думает о хлебе, а о науке он станет думать уже тогда, когда утолит голод. Большинство населения СССР как раз и находится в таком состоянии, когда мысль о хлебе ни днем ни ночью не оставляет человека. В получающихся иногда „оттуда" письмах только и разговору, что о связывании концов с концами в своем крохотном хозяйстве. Свяжешь в одном месте — пишет молодой колхозник — порвется в другом. Раздобудешь сена корове — топливо выйдет. Обзаведешься топливом — смотришь, крыша начала протекать. Починишь крышу — детей нужно одеть во чтонибудь потеплее, ибо зима наступает.

И так без конца.

Где тут человеку до науки!... Колхозник, пожалуй, даже дураком назвал бы того, кто предложил бы ему сесть за книжку в то время как корову нечем покормить и печь нечем протопить. В результате этого большевистское „бесплатное" образование приносит населению почти то же самое, что платное в капиталистических странах. В обоих случаях учатся лишь маменькины сынки, т. е. дети, родители которых находятся в высших слоях общества. Широкие же слои населения, как в СССР, так и в буржуазных странах, все еще находятся на положении крыловской лисицы, видевшей виноград, но неимевшей возможности его достать. В буржуазных странах за учение нужно платить, поэтому оно недоступно широким слоям населения (неграм, кроме денег, мешает для поступления в университет еще и их цвет кожи), в СССР за учение платить не нужно (официально), но вопрос о хлебе там острее чувствуется, чем в буржуазных странах. Призрак нищеты там неотступно витает над головами подавляющей части населения. А где есть призрак нищеты, там, повторяем, не до науки.

Нужно накосить сена корове — пишет все тот же колхозник — а с приближением осени ехать в Сибирь для того, чтобы обеспечить себя и семью хлебом на зиму. А „накосить сена корове" не такое простое дело, как это кажется на первых порах. Колхознику приходится накосить сена не только своей корове, но и колхозным коровам. Колхознику дают только одну копну, а остальные две копны идут в колхоз. Так что колхознику для того, чтобы прокормить свою корову, нужно накосить сена для трех коров. Три коровы приходится кормить, а молоком пользоваться толькой от одной. В Сибирь же колхознику приходится ехать, ибо там пресловутая хрущевская целина. За работу на целине (особенно во время снятия урожая) сносно платят, поэтому только там и можно обеспечить себя и семью хлебом на зиму. Если же работать круглый год в своем колхозе, то результат получится тот же, что у пушкинской старухи — разбитое корыто. Дырявая крыша, неодетые дети, покосившаяся хатенка, слабо протопленная печь — вот что дает колхознику его колхоз. А университеты, искусство, литература.... являются для колхозников чем-то потустронним, чем-то совсем не существующим.

Жутко, но это — действительность. Спросите рядового колхозника о литературе, об искусстве — он только глаза вытаращит.

Кстати, следует хоть несколько слов сказать, что собой представляет бесплатное образование в СССР. Большевики очень кичатся тем, что у них и образование, и медицинская помощь бесплатны, а скоро — как уверяют — и квартиры, и поездки в трамваях тоже будут бесплатны. Этим большевики многих вводят в заблуждение — особенно тех, кому, живя в буржуазных странах, приходится иметь дело с докторами и госпиталями, безжалостно обирающими своих пациентов. (Лечение, как и учение, в буржуазных странах является коммерцией, способом наживы, а где на первом месте стоит нажива, нам пощады нет). Большевистское „бесплатное" образование можно иллюстрировать следующей картиной. Вот дом — самый обыкновенный дом. Его обитатели только что собрались к обеду. Сели за стол и принялись за еду... В это время в дом ворвались громилы, выгнали всех из за стола, сами там уселись и начали пожирать все, что было на столе, а хозяевам дома разрешили подбирать крохи, падающие со стола. Можно-ли это подбирание крох назвать бесплатным получением пищи? Конечно, нет. Вот так оперируют и большевики. Они захватили в свои руки все и если малую толику датут тем, у кого захватили, то говорят, что дают бесплатно. Даже своей терминологией большевики выдают себя с ног до головы. Ведь для того, чтобы давать нужно иметь то, что даешь. А для того, чтобы иметь что-либо — нужно его произвести. Что же большевики производят? Ровным счетом ничего. Хрущев за время своего царствования не сплел ни одного лаптя, не очистил ни одной картошки. Все его „производство" заключается в пустословии да попойках. Большевики руководят, командуют, заботятся (новейший способ пускания пыли в глаза), но никаких полезных и нужных в жизни предметов не производят. Они забирают в свои руки то, что другие производят, а затем, если смилостивятся, то сметут крошки со своего обильного стола и разрешат подлинным про-

изводителям подбирать эти крошки. бесплатно.

Между прочим, это относится не только к большевикам, но и ко всем другим правительствам. Все провительства ничего не дают населению бесплатно. В Соединенных Штатах, например, иногда наблюдается такая картина. Дела на заводе пошатнулись.... Прежние заказы подходят к концу, а новые не получаются. Предстоит увольнение рабочих... Некоторые рабочие уже увольнены, а другие на очереди... На душе кошки скребут... Рабочие больше чем хозяева печалятся, ибо известно, что пока богатый станет бедным, то бедный будет в гробе.... Вдруг завод получает от правительства многомиллионный заказ (военный, конечно). Положение резко меняется.... Не только не говорят о новых увольнениях рабочих, но даже приглашают назад тех, кто был увольнен. На душе отлегло, взор просветлел... Горькая чаша миновала.... Рабочие открыто, а еще больше мысленно, благодарят за это правительство. Да и как не благодарить? Ведь оно гарантирует получку....

Все это очень понятно. Но вот вопрос: кто оплачивает поступленный на завод заказ? Правительство Ничего подобного... Гроша ломаного правительство не даст из своего кармана. Наоборот, некоторые члены правительства получают за это комисионные (от той кампании, которой заказ был сдан). Все правительственные заказы оплачиваются теми деньгами, которые выколачиваются из карманов населения в виде налогов. И в конце концов получается, что рабочие, ободренные правительственным заказом, сами же и оплачивают этот заказ. Правительство решительно ничего при этом не теряет, а лишь пожинает незаслуженную благодарность.

Так везде и так всегда.... Правительство сначала стрижет население, а потом настриженное начинает утилизировать, как принято выражаться. И если тому, кого правительство остригло, достанется маленькая доля снятого с него „руна", то он видит в этом жест гуманности со стороны правительства.

Нельзя при этом не вспомнить старинную крестянскую поговорку: „угощаем твоим чаем"... Правительство угощает население не своим чаем, а чаем, приготовленным самим же населением, но население в силу надетых на него шор этого не замечает.

Было бы, однако, далеким от истины предположение, что в силу подобных правительственных мунипуляций, все стоит на одном месте, лишь повторяясь, как белка в колесе. Жизнь на одном месте не стоит. Даже при диктатуре она движется вперед, внося изменения и улучшения. Есть прогресс и в области образования. Теперешнее образование уже не похоже на образование несколько веков тому назад. Розог уже нет, „кухаркиных детей" тоже нет (за исключением негров, все еще пребывающих в некоторых штатах на положении „кухаркиных детей") Неграмотных становится все меньше и меньше, число учащихся с каждым днем увеличивается.... И все же приходится повторить, что учатся лишь немногие, — те, которым не приходится задумываться над вопросом о хлебе. Стало быть, для того, чтобы число учащихся увеличилось, чтобы учение стало поголовным, — нужно в первую очередь разрешить вопрос о хлебе. Голодный человек не может учиться. Нищета—враг науки Где нищета — там и невежество. Причины нищеты бывают двоякие — природные и социальные. Теперешняя нищета порождена (если не полностью, то в значительной мере) социальными причинами — неравномерным распределением материальных благ и природных богатств. Одни имеют слишком много, а у других ничего нет. При равномерном распределении материальных благ нищета постепенно исчезнет, а вместе с нею исчезнет и невежество. Все будут учиться, все станут творцами жизни, вследствие чего жизнь станет разнообразнее, богаче и интереснее.

Итак, одинаковая возможность удовлетворять свои жизненные потребности — равенство — основа благополучия.

Г. Голубович

ЗАТРУДНЕНИЯ И БОЛЯЧКИ ХРУЩЕВА

Хрущевское руководство как-то должно оплачивать свое господствующее положение в партии и правительстве. Надо признать их заслугу в ликвидации Берия, попавшего в расставленную западню: „нехаи" перехитрили кавказцев, предупредили воцарение новой грузинской династии в Кремле (вероятно в этом деле сработали армянские мозги Микояна и руки „нехаев").

Вместе с властью хрущевцы унаследовали и многие неразрешенные проблемы, ставящие их в затруднительное положение. Сталина, например, постигла неудача в блокаде Западного Берлина: многочисленность советских дивизий не испугала союзников, а развязать третью мировую войну не позволило превосходство американского атомного вооружения.

Храбрый на словах, но менее Сталина агре-

ссивный Хрущев, тоже не решается на „последний и решительный бой", не хочет умирать за Берлин, хотя и цепляется за него, и ставит себе в заслугу то, что не выпустил его из рук, как это будто бы планировал рвавшийся к власти Берия, желавший избежать осложнений с Западом в критический момент борьбы с хрущевцами, т. е. хотевший применить политику дальнего прицела, сработавшуюся у Ленина, который, отдав Пилсудскому часть украинских и белорусских земель, собравшись с силами, все уступленное полякам вернул, да еще с большими процентами (осуществили этот план уже наследники Ленина, утвердившие протекторат над всей Польшей под предлогом „освобождени").

Пока что западные немцы, опекаемые союзниками, живут как у Христа за пазухой, богатеют, в экономике нагоняют США, вооружаются, рвутся к атомной бомбе, клонят дело к развязыванию третьей мировой войны — они неисправимые милитаристы, реваншисты, опирающиеся теперь на мощную поддержку всего западного блока держав, озлобленных притязаниями Москвы на мировое господство, всерьез принимающих легкомысленные заявления Хрущева „угробить и похоронить" капитализм. И президент Кеннеди определенно говорит об этом в своем выступлении 10 июня в Американском университете в Вашингтоне, текст которого полностью напечатан и в „Правде" 13 июня 1963 года: „Попытки коммунистов навязать другим свою политическую и экономическую систему — сегодня главная причина международной напряженности"...

Кеннеди как бы урезонивает Хрущева: стройте себе коммунизм на здоровье — он нам не подходит; оставьте свои мессианские мечтания о всемирной революции, а мы уж сами позаботимся о здоровье и благополучиии наших стран. Иначе говоря, ослабление международной напряженности невозможно без обоюдного невмешательства во внутренние дела других стран. Но коммунистическая хунта в Москве, вероятно, и эти разумные предложения постарается использовать во вред Америке — так уж требуется диаматом.

Не все обстоит благополучно у Хрущева в странах-сателитах. Ускользнувших из сталинских рук югославских национал-коммунистов никак нельзя взять на веровочку. Тито хотя и флиртует с Хрущевым, но благ земных больше всего ожидает из Вашингтона, понимает, что одними советскими банкетами и прославлениями его сыт не будешь. Югославам больше всего подходит роль нейтрала — в таком положении у них больше шансов на то, чтобы сосать двух маток, не связывая свою судьбу ни с Западом, ни с Востоком.

Вышла осечка у Хрущева и в Варшаве. Репрессированному сталинцами Гомулке нельзя было сказать „покоряйся!" или сотру с лица земли Варшаву, как это пригрозил сделать Николай I. в 1835 году, державший там стотысячный гарнизон. Пришлось убрать из Варшавы маршала Рокоссовского. Гомулко уцелел, на разрыв с Москвой не пошел: у Польши и СССР — опасный враг, мечтающий о реванше.

Но и у западных немцев как будто поколеблена вера в бронированный кулак. Аденауэр, например, все время бойкотировавший Польшу, ведет теперь переговоры с Гомулкой о торговле — не что иное, как попытка немецкого мирного проникновения туда, откуда вытурили немцев, т. е. в захваченные поляками земли в Силезии и Померании. Бундесвер пока недостаточно силен, а союзники немцев вряд-ли захотят умирать за немецкую Силезию и Померанию. Если меч пока бессилен, — может быть сработает немецкая дипломатия, золото (немцы очень разбогатели)....

В Венгрии Хрущев оскандалился: мадьяров-титовцев пришлось приводить в чувство острыми средствами, как и в царствование Николая I, когда кровопускание было применено для внедрения верноподданнических чувств австрийской короне, а советская операция прошла под лозунгом внушения чувств лояльности интернационализму и марксизму-ленинизму.

Под знаком вопроса оказалась и дружба с Китаем. Сталин неудачно пробовал освоить Сунь Ят-сена, а потом его преемника — Чан Кай-ши. У русских давно сложилось невысокое мнение о своем великом, дальневосточном соседе: Николай Спафари (переводчик царского посольского приказа), побывавший в Пекине в 1675 году и вернувшийся оттуда „ни с чем", доносил царю Алексею Михайловичу, „что в целом свете нет таких плутов, как китайцы" (Костомаров).

Спафари ошибся: русские перехитрили, надули китайцев, оттяпали у них Даурию, Приморье, Монголию, проникли в Маньжурию, Порт-Артур, Дальний, в Корею. Правда, царская дипломатия предпочитала действовать „рублем, а не дубьем", „подкупательно, а не наступательно". Из воспоминаний гр. Ю. Витте известно, например, что за железнодоржную концессию в Маньчжурии китайский сановник Аи Хун-чан получил взятку в миллион рублей и ему же полумиллионная взятка за Порт-Артур и Дальний и такая же взятка другому сановнику-китайцу. Потом уже пришлось расплачиваться кровью за эту дальневосточную экспансию, а война с Японией вызвала духи

революции, явилась одной из причин краха династии Романовых.

Китайским коммунистам хорошо известны все эти махинации, хищничество европейцев и русских, и они, как когда-то московские цари — собиратели русских земель — тоже намерены искать свою „отчизну" т. е. восстановить нарушенные владения Китая в исторических границах на русском Дальнем Востоке, в Корее, Индии, в Южной Азии и даже в русеских средне-азиатских владениях бывшей империи Чингис-хана, преемники которого, захватившие весь Китай, утвердившиеся в Пекине (сидели там 80 лет), управляли этой монголо-китайской империей включая и Москву, платившую богдыханам дань, посылавшую в Пекин и русских ратников.

Мао Цзе-дун осуществляет собирание китайских земель пока в скромном масштабе, осторожно, осмотрительно, но с чисто китайской настойчивостью, методичностью: захватив Тибет, китайцы помаленьку, с передышками, пробираются в Индию, прибирая к рукам спорные земли, прикрывая свои агрессивные действия разговорами о мире. Конечно, СССР — не беспомощная Индия, но намеки на возможность территориальных претензий к Москве уже были сделаны, а пока что Мао Цзе-дун донимает Хрущева его ревизионизмом и в то же время прилагает все усилия к тому, чтобы придать китайскому дракону атомные клыки, тогда уже пошел бы разговор без всяких цитат из Маркса и Ленина.

С дрожью в голосе Хрущев напоминал своим китайским товарищам об „атомных зубах" у американского „бумажного тигра", и ему, конечно, нисколько не улыбается перспектива атомных клыков у китайского красного дракона. Говорилось это, конечно, с досады на свою собственную кубинскую неудачу: в Китае кубинский инцидент расценивали, как ничем неоправданный авантюризм....

Отступление Хрущева на Кубе не на шутку встревожило Кастро. Сделка Хрущева с Кеннеди имела для него определенный смысл: ни янки, ни Хрущев не хотят умирать за Кубу. Пришлось обхаживать Фиделя: в Москве его подбодрили, освежили, а главное — подкупили — отвалили 200 миллионов долларов в виде повышенных цен за кубинский сахар. В Гаване Кастро снова заговорил с голоса Хрущева: очень уж расхваливал своего благодетеля. Поразили его в СССР две вещи: 1) большое потребление хлеба — почти два фунта на душу в день — порция не удобоваримая для кубинского желудка (умолчал о рыковке и ее крепости) и 2) отстутствие безработицы: только в одном Ленинграде на стройки и фабрики можно дополнительно принять около 500 тысяч рабочих — „нужно 500.000 рабочих" — дважды повторяет он. („Правда" 6 июня 1963).

Словом, одурачили таки советские няньки Фиделя на все 100 процентов, зачествовали, забанкетовали.... Конечно, не знающий русского языка Фидель может проглотить какие угодно неблицы, опровержение которым он могбы найти в советских газетах и журналах и тогда „отсутствие безработицы для него представилось бы в несколько ином свете.

Прежде всего, поголовная занятость всего советского населения (даже подростков-школьников) объясняется просто низкой заработной платой: рабочий или крестьянин своим заработком может прокормить только одного себя, но не семью и каждый член ее должен сам работать. Вот если-бы Фидель заглянул хотя бы в июльский номер (1962) советского журнала „Новый мир", в статье Панова „У мастеров Урала" он нашел-бы объяснение так поразившему его явление: плотник там, например, получает 3 рубля в день (это эквивалент только часовой платы американского плотника), уборщица — 52 рубля в месзц и „не всякий советский учитель и врач зарабатывает 120 рублей в месяц" (значит это максимальное вознаграждение, о минимуме вовсе умалчивается). Вряд-ли подобные заработки могли-бы прельстить даже кубинских пролетариев и служащих, особенно высокой квалификации и уж, конечно, туда не побежит американский безработный, получающий штатное пособие в размере выше ставок советского врача или учителя. Не соблазнит перспектива занятости в СССР даже безработных европейских капиталистических стран: их более устраивает безработное пособие, или хотя-бы общественные работы по ставкам не ниже советских заработков.

Как и все демагоги, Кастро в своих промахах и недочетах винит не себя, а других. В своем отчетном выступлении о визите в Москву, — мишенью нападок у него послужил его недавний министр труда Рей — „анархобезумец — этот пресловутый „Маноло" Фернандес, тип, витавший в облаках, который проводил уравниловку". („Правда", 7 июня 1963).

Так Кастро хамски разделывается с сотрудничавшим с ним анархистом проводившим очевидно эту уравниловку на базе одобрения кастровской хунты, теперь увлеченной советской потогонной системой („тэйлоровщиной") с оплатой труда по многостепенным ставкам. Словом, и Кастро, как когда-то Ленин, использовав анархические лозунги и многих просте-

цов-анархистов для захвата и упрочения диктатуры. выбросил их теперь из хунты, как выжатый лимон.

Хрущева ожидают еще сюрпризы: Кастро — искусный игрок, он делает реверансы и в сторону янки, и этот караибский Санчо-Панчо, вероятно, с такой же легкостью преобразуется в „демократа", с какой включил кубинцев в упряжку социалистического лагеря.

И, наконец, кое-что об идеологической болячке Хрущева. Мартиролог русской литературы хорошо известен. Русские цари не благоволили ей, держали под надзором, в ежовых рукавицах. Виселицы, казематы крепости, ссылка, преждевременное увядание в гиблых местах Сибири, в солдатчине, смерть под розгами (Княжнин в царствование Екатерины 2-й) — все это испытали на себе многие представители многострадальной русской литературы, гордость и слава России....

Даже такой непревзойденный у нас гений, как А. Пушкин, доведенный до отчаяния цензурой Николая 1, в письме к жене 18 мая 1836 года писал:... „чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом" (в переписке с Чаадаевым он, однако, был иного мнения о России). Когда Александру I, указывали на Пушкина, как на славу и гордость России, царь хмурил брови: „Ну, полно, мой друг, избави нас Бог от такой славы! Наводнил Россию стихами возмутительными. Этот человек на все способен. Говорят, отца своего чуть не убил"... Александр I, как косвенный соучастник убийства Павла I, (своего отца), склонен был и Пушкину приписать тяжкий грех отцеубийства. Царь просто вымещал злобу на поэте за едкую эпиграмму:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Аустерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!

Заклеймил Пушкин и Николая I, казнившего декабристов:

Восстань, восстань пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи,
К убийце гнусному явись...

Голосом гневного осуждения говорил Пушкин с царями, душившими свободное слово, и казнь пятерых декабристов (в их числе его друга поэта Рылеева) довела его до крайнего возбуждения против — „гнуссного убийцы" — грозного царя Николая I: неслыханная дерзость в эпоху советского деспотизма. Хрущев в своем разносительстве советских поэтов обошел сторонкой Пушкина и в качестве примера для подражания указал на халтурщика Демьяна Бедного, делавшего у большевиков карьеру. деньги за низкопробное стихоплетство, в котором оплевывал все культурное прошлое России, — стишки возмутившее даже „отца народов". Демьян Бедный воспевал, Октябрь, но он не брезгал и царским рублем у Сытина, воспевая Николая 2-го:

„Звени, моя лира,
Я песню слагаю
Апостолу мира —
Царю Николаю"...

Вот к этому подхалиму, переметной суме, Хрущев направляет в науку советскую творческую интеллигенцию. Не выйдет, Никита Сергеевич...

Самым забавным в его учительстве является то обстоятельство, что сам-то учитель вряд ли разбирается в вещах, о которых берется судить. Этот критик изящных искусств в бытность в США в одном из своих публичных выступлений откровенно признался, что, уже будучи красноармейцем в Крыму, попав в интеллигентную семью. в которой шел разговор о балете, он удивил своих хозяев вопросом — „а что такое за кушанье балет — вкусное ли это блюдо?" Конечно, теперь он — премьер, чуть ли „не всему миру голова". Но может ли этот хотя бы и талантливый самоучка, без специального образования, судить о предметах, в которых трудно разобраться даже специалисту? Но он рубит с плеча, наводит панику на людей, парализует деятельность творческой интеллигенции — созидателей не только духовной, но и материальной культуры, основой которой служат абстрактные науки.

Цитатами из Ленина можно доказать что угодно. Ильич флиртовал с беспратийными писателями, заманивал их в партийные органы, а использовав, изгонял. У него была, например, сшибка с В. Брюсовым, давшим ему резкий отпор в журнале „Весы" за 1901 год: „От угрозы Ленина прогнать из с. д-ской печати всех внепартийных писателей один шаг до приказа калифа Омара (сжечь книги Александрийской библиотеки: если в них то же, что в Коране — они бесполезны, а если что-нибудь другое — они вредны)"... Для нас дороже всего, — возражает Брюсов, — свобода исканий... где нет уважения к мнению другого, там свобода — фикция... Коран социал-демократии так же чужд нам, как коран самодержавия, и, поскольку вы требуете веры в готовые формулы, поскольку вы считаете, что истины уже искать нечего, ибо она у вас, — вы враги прогресса, вы — наши враги"... Увы! Впоследствии Брю-

сов изменил своему знамени свободы, оказался в ленинской компании, превратился в певца Октября....

Но такой авторитет в литературе, как Луначарский, соратник Ленина, нарком народного просвещения, образованный марксист, придерживался „полной анархии в области искусства". „Под анархией, — пояснил Луначарский, — разумеется не беспорядок, а безвластие, отсутствие начальства, предписывающего вдохновению те или другие нормы" (см. статью его „Свобода книги и революция" в журнале „Печать и революци" за 1921), В ленинское время Хрущева с его допотопными взглядами на литературу и искусство засмели-бы образованные соратники Ильича. Хрущев тянет вспять, к „печному горшку", у него явно вредительский, антимарксистский взгляд на искусство...

Хрущев брюзжит, ругается: „анархическая нечисть", анархическое отребье" („Правда", 10 марта 1963). Чего его так уж всполошил анархизм? Уж не появился ли в Москве без паспорта и визы восставший из мертвых Бакунин, чтобы выставить оттуда не только кумир (статую) Маркса, но заодно и последователей его деспотической диктатуры над пролетариатом — этого источника всех бедствий и зла в СССР? Как ни стрательно искореняли хрущевцы крамолу, а анархизм жив в СССР, беспокоит кремлевских олимпийцев, и они окрысились на молодежь, отпадающую от диктатуры, возвращающуюся к традициям анархического народничества. В эфире слышны призывные звуки бунтующей советской молодежи:

„О, алая кровь бунтарства!
Идите и доломайте
гнилую тюрьму государства!"...

МИР

НОВОРОССИЙСК ВО ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

(Воспоминания очевидца)

О русской революции написано много книг, но эти книги, за весьма редким исключением, носят политический характер. Подробно рассказывается о закулисной игре политических партий, о деятельности того или иного государственного деятеля, о прениях в законодательных палатах и т. д. О населении же страны — ни слова. А если где и говорится, то в карикатурном смысле, вроде пресловутого дележа при помощи топора рояля помещика. Так было и с французской революцией. Тогда тоже говорилось много о разных политических партиях или отдельных деятелях, а население страны оставалось в забвении, словно революция для него ничего не означала, пока на международной арене не появился П. А. Кропоткин и в своем объемистом томе не показал, что революция для населения не пустой звук, и что исход революции в значительной части зависит от того, как к ней отнесется население. Русская революция еще ждет своего Кропоткина...

Я нисколько не претендую на эту почетную роль, и пишу я эти стоки совсем не по этим соображениям. Взяться за перо меня заставило то обстоятельство, что в последнее время все чаще и чаще начали осуждать анархистов за их участие в октябрьской революции. Дескать, лили воду на мельницу большевиков... Как участник русской революции, я хорошо знаю, что ничего подобного не было. За исключением отдельных ренегатов, от которых, к сожалению, никто не застрахован, анархисты не помогали большевикам укрепляться у власти. В большинстве случаев анархисты аппаратом власти совсем не интересовались, а направляли все свои усилия на то, чтобы придать революции анархический оттенок.

Здесь уместно сопоставить революцию 1917 года с революцией 1905 года. Где-то у Кропоткина говорится, что социальные революции не делаются, что они, как и стихийные явления природы, сами собой приходят. Возможно, что бывают некоторые исключения, но если и бывают, то весьма незначительные. В революциях (в настоящих революциях, а не политических переворотах) много стихийного.

Почему не удалась революция 1905 года? Потому что она не всколыхнула широкие слои населения. Кипение и бурление происходило в политических кругах, за пределы же этих кругов революционный поток почти не вырывался. Были отдельные случаи придания революции социального характера (попытки создания Советов в некоторых городах, объявления забастовок, а также провозглашение советской республики в одном из южных городов России), но случаи эти были весьма редки и они долго не могли устоять против натиска реакции.

Революция 1917 г. сразу же приняла народный характер. Демонстрации в Петрограде, послужившие началом революции, не были политическими демонстрациями. Участники де-

монстраций, хотя и шли под политическими лозунгами, но главное, чего они требовали, так это — хлеба. Хлеба и хлеба — неслось со всех концов столицы. Подобные требования прозвучали когда-то на улицах Парижа. И когда Марии-Антуанетте доложили, что народ голоден и что он требует хлеба, то королева, не имевшая ни малейшего представления о бедственном положении населения, невозмутимо ответила: „если нет хлеба, то пусть кушают пирожное". Королева полагала, что у каждого бедняка, как и у нее, на столе лежит хлеб и пирожное, и что если хлеб вышел, то можно утолить голод пирожным. За это непонимание нужд широких слоев населения Мария-Антуанетта поплатилась своей головой. За это же поплатились жизнями (или карьерой) и некоторые русские государственные деятели. И не только те, которые препятствовали революции, но даже и те, которые ее приветствовали, но желали удержать ее в узких политических рамках. Удержать не удалось. Народная стихия опрокинула все. Уцелели только те, кто шел в ногу с революцией. Если бы большевики в начале революции начали делать то, что они потом сделали, то они тоже оказались бы за бортом событий. Но большевики против народной стихии не пошли. Наоборот, они сделали эту стихию своим главным козырем. Они потакали низшим слоям населения во всех начинаниях. „Комитеты бедноты" возникали по всей стране, как грыбы после дождя. Потом все эти комитеты пошли на смарку, но в начале революции они нужны были большевикам, так как население в лице этих комитетов видело что-то родное. Неселению казалось, что те, кто поощрает эти комитеты, печется о благах населения.

Мне пришлось в первые же недели революции пересечь всю страну — от Великого океана до берегов Черного моря. Как политические эмигранты, мы возвращались в Россию через Владивосток. Путь был длинный, приходилось сталкиваться с разным населением. Но везде чувствовалось одно и то же: желание строить жизнь по-новому. Никто не хотел возврата старого. Никто так же не хотел остаться ни с чем, без „выигрыша". Раз произошла революция, то она должна что-то дать. Так смотрело население на революцию. На первых порах может показаться, что тут главную роль играло шкурничество, но если принять во внимание, как большинство населения жило до революции, то шкурничества тут никакого не окажется. Население лишнего не требовало. Требование жить по-человечески, без нужды и вражды. — не шкурничество. Это вполне справедливое и вполне естественное требование.

Так должен жить каждый человек. С этого и началась февральская революция. Требования, выставленные демонстрантами Петрограда, были знакомы всему населению страны. Все испытывали то, что испытывали жители столицы. Отказ войск подавить демонстрацию дал возможность революционной волне прокатиться по всей стране. Как эхо колокольного звона, понеслись петроградские события по необъятным просторам России. Дума приняла сторону демонстрантов. Царь приказал разогнать Думу. Дума не подчинилась приказу царя. Рабочие и войска поддержали Думу и дни царя были сочтены. Ему пришлось отречься от престола. Падение царя и создание Временного Правительства во главе с князем Львовым было лишь первыми шагами революции, при том, шагами весьма незначительными. Первое Временное Правительство далеко не шло. Оно хотело лишь поставить кое-где заплаты и продолжать политику царского правительства. Но революционный поток успел разлиться гораздо шире. Население уже не удовлетворялось тем, что предлагало правительство Львова. И последнему пришлось подать в отставку. Во втором Временном Правительстве, составленном уже Керенским, преобладали левые элементы. Была объявлена полная амнистия всем политическим эмигрантам, скитавшимся до революции за границей. Вследствие этого революция получила приток свежих творческих сил. Прибывшие из заграницы бывшие политические изгнанники с головою кинулись в революционное дело. Они понесли революцию дальше намеченных правительством границ. Правительство Керенского оказалось в хвосте. Хотя это правительство и состояло из левых элементов, но оно не могло полностью отречься „от старого мира". В частности — не могло отказаться от продолжения войны, и тем самым себя погубило. Войны никто не желал. Население в конце концов разочаровалось во Временном Правительстве. Крестьяне и рабочие не того ждали. Они ждали улучшения своего положения, а не продолжения войны.

Даже Советы не всегда поспевали за событиями. Вначале Советы возглавлялись умеренными меньшевиками и эсерами, но после каждых выборов и перевыборов левые элементы в Советах увеличивались, а умеренные уменьшались. Нужды населения все сильнее и сильнее давали себя чувствовать на собраниях Советов.

Сентябрь и октябрь месяцы были очень бурными месяцами. Приближалась зима и население хотело хоть чем-либо обеспечить себя.

Из деревень неслись требования: „дайте нам землю". В городах все найстойчивее говорили о необходимости социализации промышленности. Правительство и правые меньшевики и эсеры успокаивали населения тем, что, дескать, скоро соберется Учредительное Собрание и оно все по мановению волшебной палочки разрешит. Но население холодно и недоверчиво относилось к этим обещаниям. Вскоре начали поступать из разных мест страны сведения, что крестьяне самочинно приступили к переделу земли. Сведения эти проникли и в войска и тем самым окончательно разложили фронт. И когда в октябре месяце правительству понадобилось несколько преданных полков, то таких полков не оказалось. Армия, состоявшая в подавляющем большинстве из крестьян, не захотела защищать Временное Правительство, решительно ничего не сделавшее для крестьян.

Начался „Октябрь", началось великое стихийное движение, захватившее всех, в том числе и анархистов. Анархисты, как исключительно революционных элемент, понеслись на гребнях революции...

Следует сказать хоть несколько слов о том, что представляло собой анархическое движение в России в 1917 году. Февральская революция застала лишь небольшие анархические ячейки. О массовом анархическом движении до февральской революции и думать не приходилось. Царское правительство, если и не так свирепо, как большевики, то все же довольно старательно преследовало анархистов. Лишь после объявления Временным Правительством амнистии и после возвращения из заграницы политических эмигрантов, начали создаваться анархические организации, из которых потом возникли федерации, конфедерации и т. д. Одно время в ряды анархистов проник странный микроб: поощрение захвата особняков и дач. Но эпидемия эта скоро прошла. Началась более планомерная, чисто организационная работа. В Москве функционировала федерация анархистов-коммунистов, возглавлявшаяся А. Карелиным. Помимо регулярных собраний, на которых до бесконечности спорили по разным отвлеченным вопросам, федерация издавала свой печатный орган, довольно содержательный, хотя и с уклоном в сторону абстракционизма. Анархо-синдикалисты были сплочены в конфедерацию. Они издавали газету „Голос Труда" (анархо-коммунисты издавали свою газету, которая называлась „Анархия"), выпускали на рынок книги, брошюры и т. д. На Украине тоже довольно успешно функционировала другая конфедерация — „Набат". Ее газета, того же названия, довольно успешно распространялась во всех южных городах. Были и такие анархические ячейки, которые не примыкали ни к каким федерациям или конфедерациям.

Разнообразие, как всем известно, имеет положительную и отрицательную сторону. Положительная сторона заключается в том, что только при разнообразии возможно торжество свободы. Там, где разнообразия нет, где царит однообразие, там свобода немыслима. Отрицательная сторона заключается в том, что на почве разнообразия часто возникает внутренняя вражда. Не избежали этого и анархисты в России. Они тоже часто враждовали между собою, вследствие чего их престиж среди населения вместо того, чтобы подниматься — падал. И все же, несмотря на это, анархическое движение, пока была возможность свободно говорить — ширилось. Зарождались и крепли не только мирные, но и военные объединения: отряды Махно, Маруси Никифоровой, Черника (эмигрант, до революции жил в Чикаго) и многих других. Разгром белых армий, несомненно, во многом был предрешен анархическими отрядами.

А теперь я перейду к наболевшему, как принято выражаться вопросу: к мнимому оказанию анархистами большевикам помощи при захвате последними власти. Насколько мне известно, никакой помощи анархисты большевикам не оказали. За исключением нескольких личностей, быть может, по недоразумению называвших себя анархистами, никто из анархистов не участвовал в создании большевиками государственного аппарата. Кооперировали с большевиками в создании „нового порядка" левые эсеры и некоторые либералы, но не анархисты. Как принципиальные антигосударственники, анархисты стояли далеко от каких бы то ни было государственных учреждений. Единственно где сходились пути анархистов и большевиков — так это на поле битвы с контр-революционными силами. Но и здесь анархисты спасали не большевиков, а революцию. На большевиков тогда никто внимания не обращал. Все помыслы были направлены на то, чтобы не погибла революция. Поэтому фактическими помощниками большевиков тут являются не анархисты, а те, кто пытался задушить революцию. Не будь в России гражданской войны, не будь белых армий и иностранных интервенческих отрядов, очень возможно, что события пошли бы по иному пути. Очень возможно, что люди, подобные Анатолю Железняку, вывели бы за ворот на улицу не только В. Чернова, но и В. Ленина. В руках многочисленных Железняков тогда

была сила, но сила эта ходом событий была направлена только против Черновых, но не против Лениных. Последние тогда отождествлялись, — сознательно или несознательно — другой вопрос, — с революцией. Они неслись вместе с революционным потоком, нисколько не пытаясь преграждать ему путь. (Это они сделали уже позже). И, конечно, было бы безумием со стороны анархистов не „бить вместе" с теми, кто, как тогда казалось, тоже спасал революцию. Но анархисты только „били вместе" с большевиками, а когда бой кончался, когда контр-революционные силы рассыпались — анархисты шли прочь от большевиков. Последние принимались за укрепление государственного аппарата, а анархисты пытались проводить принципы анархизма в жизнь. К сожалению, эти попытки скоро были пресечены большевиками, превратившимся при первом же ощущении почвы под ногами в Каина.

Как отнеслись анархисты к октябрьскому перевороту? Этот вопрос в последнее время тоже часто задается. Я должен сказать, что для анархистов в России октябрьского переворота, как такового, не существовало. Это для большевиков все начинается с октября, для анархистов же революция началась в феврале. Еще задолго до октября анархисты проводили в жизнь то, что большевики выдвинули в октябре. Здесь я должен в нескольких штрихах коснуться того, что происходило в Новороссийске за несколько месяцев до октября.

В самый разгар лета 1917 года в Новороссийск прибыла группа бывших изгнанников. В первую же очередь прибывшие попытались узнать — есть-ли в городе анархическая организация. Организации не оказалось, но отдельные личности, преданные анархизму, вскоре обнаружились. После нескольких совещаний решено было создать анархическую группу. Состав группы напоминал до некоторой степени басню Крылова „Лебедь, рак и щука". Одни хотели заниматься исключительно романтикой анархизма, другие стремились к тому, чтобы принять участие в Советах, третьи предлагали, чтобы группа вела не только чисто идейную работу, но чтобы активно участвовала в создании Комитетов Внутреннего Распорядка.

Тут весьма кстати напомнить, что собой представлял тогда Новороссийск. Как и во всех больших портовых городах, в Новороссийске было много портовых рабочих, стоявших довольно высоко в смысле сознательности. Рабочие 2-х цементных заводов тоже были знакомы с социальными идеями. Не отставали от остальных рабочих и железнодорожники. Были проникнуты революционными идеями и рабочие нефтеочистительного завода. Многим еще памятны были дни 1905 года, когда в Новороссийске была объявлена Советская Республика, просуществовавшая шесть недель. Одним словом, революция для рабочих Новороссийска не была чем-то чуждым, непонятным. И Новороссийск шел впереди всех остальных городов. Принято думать, что октябрьский переворот произошел в Петрограде, затем перебросился в другие большие города, и, наконец, на окраины необъятной страны. Возможно, что во многих случаях так и было. Возможно, что некоторые города, действительно, следовали за Петроградом и Москвою. Но Новороссийск не следовал, а шел впереди Москвы и Петрограда. То, что произошло в Петрограде в октябре, в Новороссийске существовало задолго до октября. Еще летом 1917 г. население Новороссийска перестало ждать манны небесной от Временного Правительства. Всем было видно, что Временное Правительство, увлеченное ведением войны, не скоро приступит к осуществлению социальных реформ. Поэтому жители Новороссийска все больше и больше возлагали свои надежды на Советы, а не на правительство. Жизнь в доме Совета била ключем. Шли бесконечные споры и дискуссии. Выборы и перевыборы в Совет чередовались, как в калейдоскопе. И с каждыми выборами состав Совета пополнялся людьми настроенными более революционно, чем их предшественники. Так что когда в октябре в Петрограде произошел переворот, в Новороссийске пришлось лишь переизбрать президиум Совета, и этим закончился в Новороссийске весь октябрьский переворот. Этим и подтверждается, что Новороссийск был далеко впереди всех остальных городов.

Одна из старых русских пословиц гласит: „Каков поп, таков и приход". Эту пословицу можно понимать и обратно: какой приход, такой и поп. Это подтвердилось событиями в Новороссийске летом 1917 года. Тот факт, что рабочие Новороссийска оказались в авангарде революционных событий, заставило и анархистов, живших в этом городе, быть примером для всего анархического движения в России. Как я отметил выше, в новосозданной анархической группе сначала шли горячие споры и дебаты о том, куда, в какую сторону направить свою деятельность. В конце концов верх взяло мнение, что место для анархистов — трудовая среда. Туда они должны пойти, должны слиться с трудящимися и словом и делом указывать как строить жизнь без хозяина и приказчика. В конце июля месяца группой было выпущено воззвание к рабочим, в котором указывалось, что нужно делать для того, чтобы эксплоатация человека человеком ка-

нула в вечность. К тому времени группа уже начала получать анархические газеты и журналы, а также анархическую литературу из других городов. Помещение группы стало центром многолюдных собраний. Туда приходили представители от фабрично-заводских комитетов за советом, а если где-либо на фабрике или заводе созывался митинг, то туда обязательно приглашали представителей группы. Рабочим весьма по душе пришлась анархическая идея создания Комитетов Внутреннего Распорядка. Эти комитеты создавались везде. Где была возможность — они существовали легально, а где такой возможности не было — существовали нелегально. Наша группа тоже существовала полулегально. Тогда Новороссийск еще был под контролем Временного Правительства. Там был губернский комиссар. Он косо смотрел на нашу группу, однако никаких репрессий не предпринимал, ибо знал, что наша группа пользуется огромным влиянием среди рабочих. Приходили и большевики к нам с предложением заключения „договора". Они предлагали нам некоторые места в новом государственном аппарате, если мы поможем им захватить власть. На это мы ответили большевикам, что мы примем самое активное участие в подавлении контрреволюции, но никакого участия в создании новой власти не примем. На этом, кажется, и закончились наши „переговоры" с большевиками.

В конце лета группа решила созвать окружную конференцию. Приглашение было послано всем рабочим объединениям Новороссийска, а также кооператорам. Конференция состоялась в сентябре. Наиболее важным вопросом был вопрос о слиянии Комитетов Внутреннего Распорядка в одно целое. Должное внимание было также обращено на необходимость разъяснительной работы на местах производства. Был принят устав КВР, в котором самые главные шесть пунктов были следующие: 1) Все фабрики, заводы и мастерские социализируются. 2) Каждый цех выбирает двух делегатов, из которых составляется Комитет Внутреннего Распорядка, 3) Каждый КВР, выделяет из своего состава два человека и посылает их в губернский Совет, функции которого носят лишь совещательный характер. 4) Заработная плата устанавливается в размере 300 рублей в месяц плюс 25% на каждого иждивенца. 5) КВР, заведуют лишь хозяйством, но никакой административной властью не обладают. Каждый рабочий — человек вполне свободный, имеющий все права и в то же время несущий и все обязанности и как гражданин и как производитель. 6) Губернский Совет должен включать в себе не только представителей от фабричных комитетов, но и представителей от кооперативов. Тут же был избран временный секретариат. На всех фабриках и заводах вскоре после конференции состоялись выборы по цехам. Быстро составились КВР, объединились и выделили из себя Губернский Совет. Так что когда наступил „Октябрь" — Новороссийск был готов к жизни без хозяев и эксплоататоров. Никаких перебоев, никаких заминок не произошло. Как я заметил выше, весь октябрьский переворот в Новороссийске выразился в переизбрании президиума. Созданые на местах КВР, начали функционировать немедленно же. Губернский Совет быстро и аккуратно выполнял все поручения, а также посылал на места все нужные инструкции и наставления. Инженеры и техники, а также значительная часть администрации кооперировали с Советом. Теперь все это представляется как сон. Но то был не сон. То была действительность. В Новороссийске занималась заря новой жизни. И занималась она без драки, без кровопролития, а по доброму, чисто человеческому почину. И тот, кто еще вчера был на положении придавленного, и тот, кто был на положении привилегированного, почувствовали себя одинаковыми. Такие явления редко бывают в истории человечества.

Когда теперь, после 45 лет, я начинаю думать об этом, то просто не хочется верить, чтобы небольшая группа лиц, тонувшая в многолюдном море простых рабочих, могла пустить в ход сложный аппарат не только производства, но и всей жизни вообще. Но так было. Это свидетельствует, что если человек почувствует, что он свободен, что он сам себе хозяин, то такой человек всегда найдет выход из всякого положения.

Заря новой жизни над Новороссийском, однако, недолго горела. Бежавшие на юг из центра России офицеры вскоре создали на Кубани армию под водительством Корнилова и сделали попытку прорваться к Новороссийску. Население Новороссийска встревожилось. На всех фабриках и заводах начали говорить о необходимости создания военного отряда для отражения наступавших корниловцев. Добровольцев оказалось больше, чем нужно. Нашлись и военные, раньше служившие в армии. Они взялись обучать добровольцев военному искусству. В это время стало известно, что на бывшем русско-турецком фронте русские войска после заключения мира с турками оставили большое количество амуниции. Население Новороссийска, долго не думая, отправило к берегам Турции три парохода с достаточным количеством грузчиков. Амуниция была погружена на пароходы, доставлена в Новороссийск и с ее помощью удалось остановить наступление белых

армий. Таким образом, населению Новороссийска с первых же дней пришлось самостоятельно, без помощи со стороны, не только справляться со всеми трудностями на хозяйственном фронте, но нужно еще было отражать атаки и на военном фронте. Но население справлялось. Народная инициатива — поистине неиссякаемый кладезь.

Новороссийск в это время по своей социально-политической структуре не был похож на другие города. Во всех городах после октябрьского переворота руководящую роль играли Советы, находившиеся под контролем большевиков. В Новороссийске же городской Совет хотя и существовал, но никакой роли не играл. Об этом свидетельствует следующий случай. В городском Совете однажды решили взять из банка некоторую сумму денег. Для этого в банк был послан председатель Совета. Охрана банка однако председателя Советов в банк не впустила, так как охрана считалась лишь с авторитетом Комитетов Внутреннего Распорядка, а не с авторитетом Совета. И председателю Совета пришлось отправиться в центральную контору КВР и там выхлопотать нужное разрешение. Только после этого председатель Совета мог проникнуть в банк. Это свидетельствует, что хотя Совет, как политическая ячейка, и существовал, но никакой роли он не играл. Все зависело от КВР, избранных на местах производства. Комитеты же эти были проникнуты анархическим духом. Почин там шел снизу вверх, а не наоборот.

Подобное положение в Новороссийске длилось около 8-ми месяцев. Жизнь шла своим чередом. Население чувствовало, что оно — полный хозяин, имеет все права, а вследствие этого несет и все обязанности. Все стремились к тому, чтобы все было как можно наилучше. И я должен сказать, что за эти 8 месяцев в городе не произошло ни одного большого уголовного преступления. Даже ссор и драк не было. Все чувствовали себя братьями, создателями лучшой жизни.

Новороссийск в то время был почти что отрезан от остальной страны. Но то, что происходило в Новороссийске, какими-то незримыми путями проникало и в другие города. Это пугало большевиков, и они всячески старались, чтобы городской Совет (политическая ячейка), а не Совет, выделенный КВР, распоряжался судьбами Новороссийска. Но все их попытки терпели полное фиаско. До тех пор пока армия Деникина не завладела Новороссийском (это произошло в августе месяце 1918 г.), город находился в руках самого населения. В жизнь проводилось не то, что шло из партийного центра (из Москвы) а то, что решалось на собраниях рабочих. Рабочие на местах знали лучше канцелярских бюрократов, что им нужно и умели скорее и правельнее проводить все им нужное в жизнь. Если на каком-нибудь заводе иссякало сырье, то рабочие завода снаряжали специальную комиссию, отправлявшюся туда, где были запасы сырья, и комиссия, без всяких канцелярских проволочек, доставляла на завод сырье. Таким же путем посылались в другие места имевшиеся в Новороссийские излишки товаров. Налаживался товарообмен...

Вспоминая об этом почти полувековом событии, я нисколько не сомневаюсь, что если бы в России было больше таких городов, как Новороссийск — революция приняла бы совсем другой оборот. К сожалению, Новороссийск оказался почти единственным оазисом среди разрухи и бушевавший гражданской войны. И оазис этот, конечно, долго не мог держаться, ибо там, где гремела гражданская война — там решающее слово принадлежало штыку, а не идее. Самые лучшие идеи раздавливались военной колесницей. Пал и Новороссийск, но все же он своим 8-месячным примером успел показать, что население даже в наше время может устраивать свою жизнь без хозяев и правителей.

Б. Е.

ГРЕЗЫ

Шумят березы молодые,
И полный бодрости их шум
Рождает грезы золотые
Среди моих печальных дум.
И снятся мне в дали грядущей
Картины лучших, светлых дней, —
Где ни нужды нет вопиющей,
Ни обездоленных людей,
Где жизнь любовно воплотила
Певцов заветные мечты,
Народ сознаньем озарила
Свободы, правды, красоты;
Где лишь порой, припоминая
Как долго царствовало зло,
Враждой сердца воспламеняя,
Людское хмурится чело,
И все сильней растет желанье
Загладить прежние вины,
Дабы остались в назиданье
Дела — величия полны...
Шумят березы молодые....
А я — в ликующий груди
Лелею грезы золотые
О светлом счастьи впереди.

Ф. Т. Гаврилов

60-ЛЕТИЕ „ХЛЕБ И ВОЛЯ"

60 лет тому назад П. А. Кропоткин и его друзья, жившие в Западной Европе, начали издавать журнал, которому они дали название „Хлеб и Воля". Кроме журнала, под этим же названием потом выпускались листки чисто пропагандного характера. С тех пор слова „Хлеб и Воля" стали тесно сочетаться с именем Кропоткина.

Ниже мы помещаем отрывок из программной статьи, напечатанной в первом номере „Хлеб и Воля„. Из этого отрывка видно, почему такое название было дано журналу; видно также, как Кропоткин и его единомышленники смотрели тогда на Россию. Ред.

Хлеб и воля! Не только хлеб, но и воля; не только воля, но и хлеб. Мы, конечно, знаем что не только хлебом одним жив человек, и слово хлеб нужно понимать в самом широком смысле.

Обездоленным хлеб, угнетенным воля! Таково во всей своей простоте содержание всего социального вопроса; потому-то мы и поставили на нашем знамени два эти слова, ясно резюмирующие требования рабочих масс. Борьба за волю!

Вот какова была и есть наименьшая программа рабочего с тех пор, как он начал узнавать своих врагов: собственность и государство.

В сущности борьба за свободу ведется с тех пор, как на историческую сцену появилась частная собственность, как фактор угнетения. Государство же есть не что иное, как санкция, как внешняя оболочка системы хозяйства, имеющего своею основою частную собственность, которая в свою очередь возникла на грабеже и насильственном присвоении того, что прежде являлось общим достоянием.

Изучение истории революционного движения еще больше укрепляет нас в этом убеждении, ибо мы видим, что всякое освободительное движение угнетенных всегда руководилось двумя целями: экономическая свобода и свобода личности.

...Мы хотим содействовать созданию такого строя, где все будут производить на пользу всех. В этом отношении мы являемся коммунистами и этот пункт нашего идеала мы обозначаем словом хлеб.

Но что хлеб в неволе? Не менее хлеба человеку нужна свобода. Потому-то борцы, предшествовавшие нам в борьбе за народное дело, никогда не забывали волю. Человек в действительности только тогда будет счастлив, когда будут удовлетворены все его потребности как физические, так и нравственные и умственные. Когда, кроме того, что он будет сыт, он будет иметь возможность проявлять всю накопившуюся в нем энергию, давать ход всякой зародившейся в нем инициативе. А это последнее возможно только тогда, когда личность освободиться от тяготеющего над нею государственного гнета.

Мы знаем из истории, что весь прогресс человечества обязан стремлению человека избавиться от всякого довлеющего над ним гнета и проявлению личной свободы.

С другой стороны, из той же самой истории мы видим, что государство всегда являлось тормазом как того, так и другого. Следовательно, нам нужно освободиться от этого организованного насилия, называемого государством.

Короче говоря, наши стремления двоякого рода: мы стремимся к уничтожению частной собственности и к передаче всего необходимого для производства (земли, орудий труда и всех богатств, накопленных человечеством) в руки самого народа; в этом мы сходимся с другими социалистами. Но в то же время мы стремимся к уничтожению государства, и в этом мы с ними расходимся.

...Уничтожение частной собственности нам обеспечит экономическое благосостояние, уничтожение государства — свободу личности.

Но нас могут спросить, каким образом мы можем согласовать непосредственную борьбу за осуществление нашего идеала, т. е. анархического коммунизма, с так называемой насущной задачей России — низвержением абсолютизма... Не конституция, как таковая, нам нужна, так как мы вообще против всякого государства, а свобода слова, печати и собраний, чтобы мы последовательнее могли вести нашу социалистическую пропаганду и ускорить социальную революцию.

Мы добьемся этого нашей энергичной и вместе с тем самостоятельной борьбой, потому что всякий союз рабочего класса с буржуазными элементами мы считаем вредным.

Мы отличаемся от других революционеров, ныне работающих в России, тем, что мы конституцию не ставим даже временно целью наших усилий. Преследуя уничтожение всякого государства, **мы стремимся к ослаблению, дроблению всякой власти как территориально так**

и в ее отправлениях, чтобы в конце концов довести ее до нуля.

Конституция может явиться временным результатом нашей противогосударственной деятельности; тем лучше для конституционалистов; нас же она нисколько не остановит в борьбе против государства.

В России больше чем где-либо мы нуждаемся в противогосударственной пропаганде. Никакая конституция не уменьшит гнет народов, населяющих Россию, если господствующий теперь у нас принцип централизации будет сохранен.

Децентрализация русской империи является неизбежной необходимостью для всех, кто серьезно и искренне думает об учреждении такого режима, который не мешал бы нормальному развитию ее обитателей.

Множество мелких народностей, входящих в данное время в состав русской империи, должны получить полную свободу выделиться совершенно, если они того пожелают, или же войти в одну общую организацию, чему можно только радоваться, так как это послужит к общей пользе. Навязывание же федерации кому бы то ни было мы считаем невозможным. Федерация не навязывается, а в нее вступают добровольно свободные народы.

СВОБОДНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ СВОБОДНЫХ НАРОДОВ, — ВОТ КАК МЫ понимаем и ставим вопрос о взаимном отношении народностей, ныне угнетаемых русской империей.

ЭТО БЫЛО В НЬЮ ЙОРКЕ

Принято думать, что только в большевистских застенках царит произвол, что только там издеваются и глумятся над заключенными. Такое мнение — ошибочно. Тюрьма — везде тюрьма. В какой бы стране она ни находилась, она не может быть институтом для воспитания благородных девиц, хотя апологеты тюрем и стараются приписать ей это свойство. Население тюрем состоит, говоря официальным языком, из преступников, подлежащих наказинию. Наказание же достигается не глажением человека по головке, а причинением ему боли и неприятностей. В былые годы под наказанием открыто фигурировала розга, теперь открыто розга не фигурирует, но в скрытой форме она продолжает действовать. Правда, проявляется она несколько иначе — не сечением по спине или по мягкой части тела — а нанесением ударов кулаком или же какимнибудь другим твердым предметом. Но тому, кто получает эти удары, нисколько не легче от этого.

Если в тюрьме иногда и проявляются некоторые человеческие отношения, то проявляются они только к тем, кто обладает туго набитым кошельком. Если в тюрьму случайно попадет какой-нибудь генгстер, то ему там не придется переносить никаких испытаний. Его там никто пальцем не тронет, ибо он имеет возможность всех озолотить. Но тот, у кого нет туго набпітого кошелька, никогда не может расчитывать на человеческие отношения к нему со стороны тюремщиков. Особенно не могут расчитывать на это политические заключенные. К уголовным преступникам — как правило — в тюрьмах относятся лучше, чем к политическим. И понятно почему. Уголовный преступник нарушает лишь некоторые нормы, но он не колеблет существующей системы. Уголовный преступник не против существующих порядков, а вместе с тем не против тюрем. Политический же преступник подтачивает самое существование тюрем. Осуществись то, чего добиваются политические заключенные — никаких тюрем не земле не будет. Таким образом, тюремщики видят в лице политических заключенных своих личных врагов, а не только врагов сущесующей системы. Поэтому и проявляют к политическим заключенным максимум жестокости.

Не являются исключением из этого правила и Соединенные Штаты. Тюрьмы в этой стране таят в себе такую же зверинность, как и тюрьмы в других странах. Об этом свидетельствует случай, имевший место в Нью Йорке 45 лет тому назад. (Тоже своеобразный юбилей...)

Летом 1918 года население нижней части Ист-Сайда, как и население всей страны, знало мало отрадных минут. Война с Германией была в полном разгаре. Каждый день уходили на фронт новые эшелоны (грузились в порту на пароходы), каждый день призывались в армию новые новобранцы. Воздух оглашался ропотом и рыданьями... В довершение к этому, из России приходили тревожные вести. Зарево гражданской войны все расширялось и расширялось. Открывались новые фронты, появлялись новые ,,спасатели'', наконец, иностранные войска были двинуты на Россию. Правда, десанты иностранных войск были незначительны, но кто мог тогда поручиться, что эти десанты не возрастут в десять (а то и больше) раз? Такой гарантии в то время не было.

Русская революция для населения Ист-

Сайда не могла быть тем событием, которое с Олимпийским спокойствием можно наблюдать, не волнуясь. Далеко нет!... Население Ист-Сайда в подавляющем большинстве родилось и выросло в России, поэтому оно с русской революцией было кровно связано. Оно ее ждало, и когда она пришла, оно ее восторженно приветствовало, и теперь, когда ей угрожала опасность, оно тревожилось. Тот факт, что у власти уже находились большевики, как-то оставался незамеченным. Самым главным для населения Ист-Сайда была революция, а не большевики. На большевиков смотрели, как на что-то второстепенное, как на какую-то накипь, несущуюся на гребнях революции. И если бы все дело сводилось к свержению большевиков, то это, пожалуй, мало кого тревожило бы. Но тогда все чувствовали, что за свержением большевиков неизбежно наступит разгром революции. Вот это и тревожило истсайдцев, вот это и волновало их.

Как всегда бывает в таких случаях, жители Ист-Сайда не только тревожились, но и старались чем-либо предотвратить нависшую опасность. В их распоряжении было только одно средство — протест. И они протестовали. Созывали митинги, устраивали уличные манифестации, печатали и распространяли листовки с обращением к населению Соединенных Штатов остановить отправку американских войск в Россию. Свобода слова и печати, как известно, гарантируется в Соединенных Штатах конституцией, но тогда на конституцию не обращали внимания и людей, протестовавших против посылки американских войск в Россию, арестовывали. Нарождалась уже палмеровщина... Сыскное отделение уже работало. Его агенты проникали во все щели, во все уголки социальной жизни, где слышался ропот и недовольство. Все более-меннее активные протестанты были уже на учете....

23 августа 1918 г. молодая девушка, Молли Штаймер, была остановлена сыщиками на улице. Ее обвинили в.... сотрудничестве с немцами. „Сотрудничество" это заключалось в роздаче листовок против интервенции в Россию. В то же время были арестованы и два товарища Штаймер—Ляховский и Липман. Им предъявили такое же нелепое обвинение — сотрудничество с немцами. Другие два товарища Штаймер, Шварц и Абрамс, были прослежены до квартиры Абрамса. Квартиру обыскали и арестовали всех, кто там находился. Арестованных доставили в тюрьму Тумбс, где им пришлось пережить поистине Варфоломеевскую ночь. Послушаем, впрочем, что говорит об этом один из арестованных (Аврин, случайно оказавшийся во время обыска на квартире Абрамса).

„Мы прибыли в полицейское правление приблизительно в 9 ч. 30 мин. вечера. Абрамс, Шварц и я были помещены в одну комнату. Около 12 часов ночи Абрамса взяли на перекрестный допрос, а Шварцу заявили: „Ты побываешь в наших руках". Когда Шварц им сказал, что он болен, что у него слабое сердце и что им не следует употреблять насилия, они ответили: „Кого интересует твое сердце". Меня они перевели в соседнюю комнату и, погасив свет, стали допрашивать Шварца. Через несколько минут я услышал звук удара кулаком и ужасный крик, после чего агенты вошли в мою комнату в поисках воды. Проходя мимо меня, они с такой силой толкнули меня, что я ударился головой о стену. Позже, когда меня перевели обратно в комнату, где сидел Шварц, он произвел на меня впечатление мертвого человека. Он был бледен, как снег, непрерывно кашлял и плевал. Я не мог достаточно близко подойти к нему, но я думаю, что он выплевывал кровь. Этот его вид заставляет меня думать, что смерть его была причинена полицейскими агентами. Позже они привели к нам в комнату Ляховского, Пробера, Липмана и Абрамса. У Ляховского был ужасный вид. Платье его было изодрано, грязно, в крови. Лицо окровавлено и в синяках. На голове в нескольких местах вырваны волосы. Около 3-х часов утра они опять позвали Липмана и приказали ему снять очки. Через несколько минут мы услышали душураздирающие крики, а затем наступила тишина. Следующим позвали меня. Мне пришлось пройти через ту комнату, где избивали Липмана. Четыре сыщика стояли по углам комнаты и играли в мячь. Живым „мячем" был Липман. Они бросали его из одного угла комнаты в другой, нанося ему удары „блэкджеками". Он уже был без сознания, но они все еще продолжали свою „игру". Затем, швырнув его в угол комнаты, сказали: „Пусть сдохнет там эта собака".

Вот что было в Нью Йорке... в самой свободной стране. Можно-ли после этого думать, что только большевистские тюремщики способны на зверства? Все тюремщики одним миром мазаны. Все они звери в образе человека.

Закончилось все это вынесением суворого судебного приговора. Судили, конечно, не тех, кто бил, а тех, кого били. Сначала избили, а потом осудили... Молли Штаймер приговорили к тюремному заключению сроком на 15 лет и к уплата штрафа в размере 500 долларов. Абрамса, Липмана и Ляховского приговорили к 20-летнему заключению каждого и к взыска-

нию штрафа в сумму 1000 дол. с каждого. Джейкоб Шварц судебного наказания избежал. Но избежал потому, что его во время судебного процесса уже не было в живых. После Варфоломеевской ночи в полицейском застенке Шварц до того ослабел, что его пришлось отправить в Белвью госпиталь, где он через несколько дней и скончался.

Каким-то чудом Шварцу удалось, собрав последние силы, набросать на клочке бумаги небольшое письмо и отправить его на волю. Приводим отрывок из этого письма.

„Дорогие товарищи! Наш арест был ужасный. Нарисовать его в деталях взяло бы слишком много времени, и здесь, где мы теперь находимся, не место для этого. Наш арест можно сравнить с испанской инквизицией. Это была ночь разъяренных дьяволов в львиной клетке; ночь самая ужасная, какую только мысль может вообразить. Тут было все — от вырывания волос до вытягивания языка, от „блэк-джеков" до ножек от стула — все это применялось к нам. За наше заявление, что мы — анархисты, нам пришлось претерпеть самые страшные пытки, которые 20-му столетию не удастся загладить... „Колесница справедливости" катилась полным ходом. Но катилась она не для того, чтобы раздавить нас, как личностей, а для того, чтобы раздавить нашу идею. Ее — нашу идею — они топтали. Но победили-ли они? Нет, дорогие товарищи, тысячу раз нет! Мы это чувствовали, и мы были горды, несмотря на физические боли. Что значат наши боли, наши синяки, красные пятна крови на нашей одежде по сравнению с величием нашего идеала?... Мы горды, дорогие товарищи! Мы гордимся тем, что наш идеал — будущее, а они, хулители и душители нашего идеала — прошлое".

С тех пор прошло 45 лет. Слова Джейкоба Шварца еще не сбылось, но они когда -нибудь сбудутся. Справедливость в кавычках не может постоянно торжествовать. Придет и ее конец. Спадет пелена с глаз и население увидит, что нельзя так жестоко обращаться с людьми только за то, что они распространяют кому-то неугодные прокламации.

Объективности ради, все же следует заметить, что в Соединенных Штатах есть возможность, хотя бы относительная, публично рассказать о том, что происходит в тюремных застенках, в СССР же такой возможности нет. О тюремных застенках, как и о всем прочем, там можно писать постольку, поскольку разрешает „хозяин". Сейчас там пишут (хотя и с оглядкою) о том, что творилось в концлагерях при Сталине, но пишут исключительно потому, что это нужно Хрущеву. Прикажет Хрущев: „не писать" и перестанут писать.

И. С-ч.

ОТКЛИКИ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

— Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты там строишь? Кому?
— Эй, не мешай нам, мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму...

В. Брюсов

В 1907 году я попал за решетки, как причастный к аграрному движению (1-я ч. 126-й и 127-й ст. Угол. уложения — „ниспровержение существующего строя"), по оговору одного запуганного жандармами такого же 19-летнего юнца, как и я. Выгораживая себя, он „засыпал" не только меня, но и своих двух родных братьев, старика-отца и других односельчан. Словом, — „чистосердечно" сознался, подтвердил все внушенное ему жандармами. Это не спасло его от возмездия: у него при обыске была найдена революционная литература.

Меня продержали под следствием в Минской тюрьме свыше года. Жандармы искали улик, не нашли, а, по судебным уставам Александра II, одного оговора обвиняемого было недостаточно для предания суду Виленской судебной палаты. Хотя я вышел из тюрьмы (меня еще пытались сдать в солдаты хотя и первольготника), но как бывший политический заключенный попал в черные списки жандармерии и тут уж никакие адвокаты и судебные уставы не помогали: расправа с намеченной жертвой производилась в порядке надзора, келейно. В любой момент, без всяких процессуальных формальностей, „неблагонадежного" могли арестовать, поступить по сакраментальной жандармской формуле: „сослать в отдаленные или не столь отдаленные места", расположенные за полярным кругом. Туда мне вовсе не хотелось отправляться — я избрал Америку.

Эмиграция в США в то отдаленное время не представляла трудностей: тогда еще не существовало квотных ограничений, консульских виз, паспортов для въезда в эту страну, а из России можно было выбраться тоже без паспорта, „украв границу". Подкупавшие пограничников агенты пароходных компаний, сидевших в местечках, открыто собирали эмигрирующих беспаспортных, толпами переправляли через границу, в иностранные порты. В Петербурге смотрели на подобные операции

сквозь пальцы, усматривая для правительства выгоду в том, что массовый отлив за границу крестьянского населения содействует притоку американских долларов в Россию, ослаблению аграрных затруднений из-за малоземелья. Америке же дешевый эмигрантский труд нужен был для ускорения темпов развития экономики, успешного состязания на мировых рынках — она уже тогда метила на первое место в игре за мировое преобладание.

При расставании со старым светом, надо хотя бы приблизительно рассказать о том, что происходило за решетками Минской тюрьмы, в которой, после неудачной революции 1905 года, как бы сосредоточился спектр лучей всех революционных течений, группировок. Неволя, конечно, большое несчастье для человека: озлобляет его, он живет мечтаниями, отрывается от действительности, духовно и физически надламывается. Заключенный это — птица с подрезанными крыльями. С другой стороны в царских тюрьмах без одиночек, с общими камерами, узники находили некоторую нравственную опору в родственной революционной среде, подбадривающей, возбуждающей оптимистические настроения.

Политические заключенные в Минске (200-300 человек) содержались в общих камерах, расположенных по сторонам длинного коридора с двумя уборными в концах. Тюрьма старая, без канализации, как и в большинстве губернских городов России. Для очистки нечистот в городе существовал арестантский ассенизационный обоз („золотари''). На ночь камеры запирались, в уборную не выпускали. Большая параша (боченок для нечистот) отравляла зловонием и без того спертый воздух в скученных, плохо вентилируемых камерах. Переступавшего порог этого вертепа сразу же окатывала волна смрадной, зловонной атмосферы, кружилась голова, он задыхался, но постепенно свыкался с положением человека, обреченного на нравственные и физические муки.

Спали на нарах вповалку на соломенных матрацах и таких же подушках. На нарах не все умещались, и тогда новичку приходилось спать под нарами. Скученность в камерах (30-40-60 человек) удручающее действовала на горожан, привыкших к лучшим условиям быта. Изоляции в одиночке, в башне, в больнице, „на малине'' казались высшим блаженством, но туда попадали немногие, „тузы'' по блату, за взятку начальству.

Как то надо было жить в этом тюремном муравейнике, находить отдушины для накопляющегося отчаяния, злобы: не брезгали игрой уголовников „в бабу'', дулись в шашки, шахматы, занимались шведской гимнастикой, но больше всего отводили душу в спорах на всевозможные политические темы, поглощали уйму книг, доставляемых с воли, многие экстерничали — готовились к различным экзаменам. Я тоже не отставал от других, „грыз гранит наук''. В учителях не было недостатка, преобладала интеллигенция, студенческая молодежь, гимназисты, реалисты, множество семинаристов, учинивших бунт в духовной семинарии.

Тюремные власти боялись арестантских беспорядков, которые вызывали вмешательство прокурорского надзора в хозяйственные дела тюрьмы. Обычно хозяйственники обворовывали тощие тюремные пайки, „экономили'' на хлебе, крупе, приварке, держали почти на постной пище: утром — кипяток и хлеб, в обед и ужин — неизменный суп-баланда с намеками на жирность или запахом рыбы. Это — урезанный солдатский паек без полагавшейся солдату ежедневной крошечной порции мяса и нескольких ложек каши. Праздность (политические освобождались от всяких работ), монотонность тюремного быта, недоедание выводили людей из равновесия, вызывали припадки массового психоза, бунтарские вспышки: ошалелые узники скамейками, столами таранили двери камер, разбивали стекла в окнах, поднимая неимоверный шум, крик на целый околоток. Тогда в тюрьме появлялась полиция, прокурор для умиротворения: зачинщиков водворяли в темный холодный карцер в подвале на хлеб и воду, — место, гарантировавшее побывавшему в нем пожизненный ревматизм, приобретенный там и мною в результате одного из подобных приключений.

Тюремная администрация подлаживалась к политическим, оказывала поблажки, в явное нарушение тюремных правил, смягчала строгости режима — днем, например, не запирали дверей в камерах, заключенные прогуливались по коридору, заходили в другие камеры, устраивали в них собрания, рефераты, диспуты. Все это походило на римский форум или высшую политическую школу, в которой обучались революционной теории, практике будущие могильщики царизма, на территории (тюрьме) этого правительства, на казенный счет.

Фактически тюрьмы того времени были единственным местом в империи царя, обитатели которого пользовались неограниченной свободой слова и в спорах, дискуссиях, разговорах давали полную волю озлобленным чувствам. Многие из узников попали в тюрьму за „оскорбление его императорского величества'', т.е. заочно ругали царя, его родню, непочтительно обращались с их портретами. Один пинский мужичок, например, отхлестав кнутом царский портрет у соседа, порвал его со словами: „ты

здесь сидишь, а у меня земли нет"... — ошибочное предположение монархистов, что крестьяне „обожали" царя-батюшку. Подобное заочное оскорбление „его величества" каралось заключением в крепости не свыше трех лет. Вот за это удовольствие оскорбители еще больше поносили царя, весь дом Романовых до самых дальних предков — Андрея Кобылы, Кошки и еще каких то двуногих и четвертоногих (у Ключевского, Костомарова и других историков можно найти полный их перечень).

В тюремных дискуссиях каждая сторона отстаивала свои идеи, программу, споры иногда носили страстный характер, но в среде конкурирующих революционных группировок не замемечалось тогда претензий на партийную исключительность, монополию, непогрешимость. Эсдеки упоминали и о диктатуре пролетариата в смысле эффективного орудия для ликвидации капитализма, но не отождествляли ее с партийной олигархией, личной диктатурой вождя — генсека партии, этого всесильного партийного царька. И уж, конечно, никому из тогдашних революционеров и самим эсдекам не приходила в голову дикая мысль о том, что, свергнув общими революционными усилиями царизм, в новоявленной республике потащат в тюрьму и на расправу за политические убеждения — ведь ничего подобного не было, да почти нет и теперь, в приличных буржуазных демократиях, в которых Тольятти, Торезы и другие комвожди ораторствуют в парламентах, сосуществуют с капитализмом, пытаются свернуть ему шею „мирным путем"...

Излюбленной темой дискуссий у эсеров служил аграрный вопрос. Они брались осчастливить мужичка черным переделом земли. Предусматривалась конфискация помещичьих имений в пользу крестьян без компенсации, но с соблюдением известного порядка в переделе и только с одобрения Учредительного собрания. Это торможение земельного вопроса было не в духе деревенской анархической стихии, явилось камнем преткновения для Временного правительства Керенского, восстановившего против себя народные массы промедленями в созыве „Учредиловки", заподозрившие в этом потворство помещикам.

Эти причины, в связи с пораженческими настроениями в армии (солдаты спешили к разделу земли), содействовали захвату власти Лениным: враждебный крестьянской мелкособственнической стихии он не побрезгал силой мужичка, прельстил его соблазнительными обещаниями, рассчитывая на то, что впоследствии, с помощью диктатуры, поступит с ним в соответствии с программными требованиями марксизма, предусматривающими пролетаризацию деревни, исчезновение крестьянских хозяйств, огосударствление их в форме колхозов и совхозов.

Множество споров вызывал и национальный вопрос. Высокий, темпераментный пинчук Кечкер („татэлэ" — папаша), остряк (его все-таки доконал в тюрьме туберкулез) разносил курчавого экстерна-сиониста Ефима (ешиботник-семинарист), не расстававшегося с латинской грамматикой. Он горячо убеждал „дорогих хаверов" (товарищей) бундовцев твердо стоять за марксизм и не делать поблажек сионистам-фантазерам, лелеющим несбыточную мечту о еврейском государстве в Палестине.

Вспыльчивый Ефим не оставался в долгу, горячился, упрекал бундовцев в отступничестве от еврейских традиций, клялся своей красивой головой, что его собраться сионисты осуществят социализм в Палестине скорее и лучше, чем бундовцы марксизм в России.

Даже умеренный бундовский национализм не импонировал эсдекам-интернационалистам. Бундовцы, как известно, немало содействовали созданию РСДРП. Первый съезд этой партии состоялся в Минске в 1898 году при активном участии Бунда без Ленина, находившегося в ссылке. Камнем преткновения явился бундовский национализм, исключавший единое руководство партией. Бундовская программа содержала требование „национально-культурной автономии", т. е. признания жаргона в школах, суде, литературе и т. д. Все это Ленина не устраивало, разрыв бундовцев с РСДРП оказался неизбежным.

„Еврейские рабочие сознают себя членами одной всемирной социал-демократической семьи, — сказано в резолюции IV съезда Бунда (1901), — но они чувствуют себя еврейскими рабочими, а не русскими или польскими". Это — едва уловимое расхождение с толкованием интернационализма самим Марксом: „Коммунисты представляют пролетариат в целом, они — интернационалисты. Их упрекают в стремлении уничтожить страны, национальность. У рабочих **нет отечества.** Мы не можем отнять у них того, чего они не имеют"...

Это не совсем так — Маркс покривил душой, его личный опыт выявил несостоятельность этого тезиса. За границей еще молодой Маркс в немецких эмигрантских газетах выступал с резкими статьями против своего прусского короля и его правительства. Немецкие дипломаты в Париже и Брюсселе нажимали на правительства, требовали обуздания Маркса. Эти придирки озлобили его, он отказался от прусского подданства и, таким образом, избавился от королевской опеки, но он оказался на положении бесподданного космополита.

С вступлением Германии в полосу конституционализма и либерализации режима, многие немецкие эмигранты — сторонники Маркса — вернулись в Германию, приняли активное участие в политической жизни, а некоторые даже были избраны депутатами в рейхстаг и на другие должности. Но Маркс своим опрометчивым отказом от подданства навсегда пресек себе путь в Германию, с которой был связан кровно, культурно, как ни с какой другой страной, где мог бы безбедно жить, применяя свои знания и политические таланты. Иностранные языки он знал, но не в таком совершенстве как Бакунин, и в Лондоне с большой семьей нищенствовал (временами он сидел дома без штанов и ботинок, заложенных в ломбарде), подкармливал Маркса его богатый почитатель и единомышленник Энгельс (фабрикант).

Маркс не учавствовал в восстаниях, как Бакунин, не сидел в тюрьме по суду (грозило ему заключение за неплатеж долгов), хотя его таскали в полицейские участки по паспортным делам. Он не был скомпрометирован политически в такой степени, как Бакунин, приговоренный немцами к смертной казни, которого они в тюрьме держали на цепи, и годами чахнувший в Перопавловской и Шлиссельбургской крепостях, там потерявшей все зубы о т цынги. Маркс неоднократно туристом ездил в Германию, бывал в Берлине, но как отказавшегося от подданства, немцы не принимали его на постоянное жительство. Он сам виновник собственных затруднений, вызванных его горячностью, опрометчивостью, недальновидностью...

И мертвый Бакунин все-таки мешает Марксу, его наследникам в СССР, они хотят развенчать его и никак не могут. На это, видимо, рассчитана и вышедшая в Москве в прошлом году книга Галины Серебряковой „Похищение огня", посвященная Н. С. Хрущеву (839 страниц, тираж — 150 тыс. экземпляров). Серебряковой уже мерещится Ленинская премия — она работает над третьим томом этого сочинения. А ведь халтурщиков в СССР более всего награждают! Она не пожалелa красок для охаивания Бакунина: „краснобай", „болтун", „пылающий стог соломы", „двойственная душа", „доносчик", „шпион" (воскрешенные Марксовы наветы на Бакунина) и т. д. И эта пасквилянтка сыплет комплиментами в адрес Маркса: „истинный Саваоф" (т. е. Бог. — звучит странно из уст атеистки!), „великий теоретик", „умнейший из всех людей" и т. д. в сталинском стиле культа личности...

Большевики упрекают Бакунина в том, что он кланялся царю, обратился к нему с „исповедью"... Бакунин перехитрил царя, вырвался из крепости в Сибирь, а оттуда убежал в Западную Европу. Клянялся ли Маркс прусскому королю? Да, кланялся, забрасывал королевское правительство петициями о восстановлении его в прусском подданстве. Дело не выгорело, не удалось разжалобить пруссаков — он очевидно не обладал силой бакунинского красноречия, подействовавшего на царя. Хлопоты Маркса в Берлине о подданстве потерпели фиаско, невзирая на то, что в прусском правительстве у Маркса была „родственная рука": министр внутренних дел Фердинанд-Отто-Вильгельм фон Вестфален — брат Марксовой жены-баронессы....

Герцен, как известно, принял швейцарское гражданство. Бакунин неудачно хлопотал об этом в Швейцарии, но незадолго перед смертью, по ходатайству его влиятельных итальянских друзей, ему было обещано гражданство в Италии. И Маркс и Бакунин умерли вопреки желаниям огражданиться — бесподданными космополитами, но они искали отечества, отвергаемого в тезисе Маркса...

Космополитизм Маркса не совпадает с точкой зрения К. Каутского. Последний видит корни национальной политики „в борьбе буржуазии господствующей национальности за исключительное господство на рынке и так называемый „государственный" интерес, носителем которого является государство". Этим он объясняет „подавление национальных особенностей „инородцев", навязывание им языка господствующей национальности. Денационализация „инородцев" составляет главное содержание так называемой „национальной политики", и он не одобряет этой нивелировки, подстригивания под одну гребенку, а в их языках видит задатки культурного развития, в то время как Маркс в споре с Бакуниным отрицал даже за чехами право на национальное самоопределение: „у чехов нет никакого будущего", — утверждал этот мессия пролетариата.

Не отмахивался от национальных движений и П. Кропоткин: „Где бы люди ни восставали против гнета личного, экономического, государственного, даже религиозного, а тем более национального — мы должны быть с ними... не отрицайтесь от националистических движений, их пора еще не прошла, и нам придется в них принимать участие", — писал он М. Голдсмит (см. Интернац. сборник, Чикаго 1931). И это говорилось в 1897 году, задолго до национального пробуждения колониальных народов, взрыва национальной стихии в наше время в странах Азии, Африки, погнавших в шею своих вековечных угнетателей-колонизаторов. Не одобрял Кропоткин и языкового, великодержавного шовинизма, хотя бы и замаскированного, как в СССР, под интернационализм: ук-

раинский и белорусский языки, например, он считал отдельными от русского языками „в той же степени, как норвежский или датский отдельны от шведского, или португальский и каталонский отдельны от кастильского или испанского" (см. его книгу „Идеалы и действительность в русской литературе", 1905).

М. Р-н.

(Продолжение следует)

РУССКОЕ АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДЕТРОЙТЕ

Детройт — крупный промышленный город с двухмиллионным населением. Большой процент населения состоит из иммигрантов: итальянцев, немцев, греков, литовцев, поляков, евреев, белоруссов, украинцев, русских и др. Русских выходцев насчитывается 20 тысяч. Начавшийся в 1906 году промышленный рост Детройта, которому в значительной степени способствовал известный автомобльный король Генри Форд с его 5-долларовой платой за 8-часовый рабочий день, привлек в этот город из разных штатов несколько тысяч новых рабочих — среди них много русских, приехавших в поисках работы и лучших условий труда.

В начале 1912 г. в Детройте было несколько небольших русский организаций: социал-демократическая группа, группа содействия партии социалистов-революционеров, Русское Землячество, Прогрессивный Рабочий Клуб и др. Наибольшей популярностью среди трудовой колонии пользовался Прогрессивный Клуб, куда входили сторонники различных политических течений. Клуб в начале своей деятельности придерживался беспартийной платформы и преследовал двоякую цель: объединение и просвещение рабочих. Клуб имел в центре города постоянное помещение, в котором каждое воскресенье происходили деловые собрания или лекции и дискуссии по вопросам рабочего движения.

Лекции и доклады читались как некоторыми членами Клуба, так и приезжавшими лекторами из других городов, главным образом из Нью Йорка. При Клубе имелась обширная библиотека из нескольких сот книг разного содержания — от беллетристики до фиолсофии. А из газет наибольшей симпатией среди членов пользовался „Голос Труда". Клуб в своем большинстве соглашался с анархическим направлением этой газеты и на деловом собрании, состоявшемся 12 октября 1913 г., было почти единогласно решено присоединиться к начавшейся оформляться Федерации Союзов Русских Рабочих и признать „Голос Труда" своим идейным органом.

После первого съезда русских рабочих орранизаций, состоявшегося в Детройте в середине 1914 г. и образовавшего Федерацию Союзов Русских Рабочих, Прогрессивный Рабочий Клуб переименовался в Союз Русских Рабочих № 1, под знаменем которого проходила вся его дальнейшая деятельность вплоть до палмеровских разгромов Союзов в конце 1919 г.

Некоторое оживление среди союзовцев Детройта вызвали две лекции Л. Лазарева, прочитанные им в начале сентября 1915 г. на темы: „Что такое анархизм" и „Отношение П. Кропоткина к европейской войне". Лекции вызвали большой интерес и прошли успешно. Спустя некоторое время, в марте 1916 г. в Детройт приехал Н. Мухин, посланный Федерацией СРР с лекционной целью. Он пробыл в городе две недели и прочитал 6 лекций по анархизму, рабочему движению, и другим вопросам. Все его лекции привлекли много слушателей и прошли очень успешно.

А в середине того же года в Детройте прочитал несколько лекций Михаил Райва. Его темы были об Интернационале, анархизме и марксизме. Все его лекции оказали большое влияние на слушателей.

Приблизительно в это же время, т. е. летом 1916 г., в северной части Детройта — Хамтрамке — был организован Союз Русских Рабочих № 2. Эта часть города, густо населенная русскими колонистами, являлась большим полем для организационной и просветительной деятельности. Союз был организован при помощи Ф. Бельмаса и Л. Лазарева. Первый выступал с докладом на тему „Почему русские рабочие должны быть организованы?", а второй — с докладом на тему „Какая организация нужна русско-американским рабочим?" После докладов и ответов на вопросы в Союз № 2 сразу записалось 26 членов.

С течением времени Союз вырос количественно. Он имел несколько сот членов и считался самым многочисленным Союзом не только Детройта, но и всей Федерации Союзов Русских Рабочих.

В конце 1916 года в Детройт приехал В. Волин с лекционной целью. Он пробыл здесь три недели и прочитал 8 лекций. Его лекции были об анархизме, синдикализме, войне, всеобщей стачке и революции и рабочем движении во Франции. Лекции Волина всегда привлекали много слушателей и пользовались большим моральным успехом. Одна из его лекция об

анархо-синдикализме продолжалась с перерывом около трех часов и вызвала страстные споры и прения со многими антисиндикалистами, не соглашавшимся с синдикалистскими идеями Волина.

Частные споры и дискуссии с другими оппонентами, большей частью с социалистами, вскоре привели к устройству в Детройте большого дискуссионного митинга, состоявшегося в декабре 1916 г. в Польском Зале и привлекшего многочисленную публику — более 1000 человек. Дискуссия состоялась между анархистами и социалистами и велась на общую тему: „Анархизм и социализм." Со стороны анархистов выступали: Бельмас, Волин, и Лазарев, а от социалистов — Лисовский, Набатов и Тимошенко.

Время для дебатантов было ограничено 20-ю минутами и каждый из них старался как можно лучше использовать короткое время для своей аргументации. Публика спокойно и внимательно слушала ораторов. Но уже в начале дебатов страсти последних разгорелись. Острые стрелы летали то в одну сторону, то в другую, и каждый из дебатантов отбивался всеми силами и способностями. Наиболее сильным и влиятельным со стороны анархистов был Волин, произведший своей речью и аргументацией неизгладимое впечатление на слушателей.

Со стороны социалистов выделился Тимошенко. Но чувствовалось и почти всеми признавалось, что симпатии публики были на стороне анархистов. Эта памятная дискуссия долгое время служила предметом жарких споров между детройтскими анархистами и социалистами. Через несколько дней после дискуссии Волин уехал с лекционной же целью в другие города. Но он имел в виду, по окончании своего тура, возвратиться в Детройт с целью организации вечерней русской школы. Он разработал план предполагаемой школы, которая должна была носить двоякий характер: общеобразовательный и пропагандистский. Предполагалось иметь в школе несколько групп или классов и выделить из них одну пропагандистскую группу с целью подготовки лекторов и организаторов для анархического движения в России. Но этому плану не суждено было осуществиться.

Начавшаяся в марте 1917 г. революция в России расстроила все мечты и начинания Волина. В начале апреля он был спешно вызван в Нью Йорк и занял место редактора „Голос Труда" М. Раевского, собиравшегося к отъезду в Россию. В то же время лучшие и передовые детройтские союзовцы тоже собирались в путь — на родину. Вскоре и Волин уехал в Россию, полный надежд на светлое будущее родины.

В начале мая 1917 г. Союз Русских Рабочих в Детройте устроил массовый митинг в честь русской революции. Оратором был В. Шатов из Нью Йорка. Его речь была проникнута глубокой верой в свободу и счастье России. (В. Шатов был хорошим оратором и одним из организаторов Федерации Союзов Русских Рабочих. Летом 1917 г. он уехал в Россию и примкнул к большевикам. Получив скоро пост народного комиссара, он отказался от анархического движения и больше не принимал в нем участия).

С отъездом многих активных союзовцев в Россию деятельность Союзов Русских Рабочих немного приутихла, но не надолго. Как только из России стали прибывать первые известия о расправе большевистского правительства с анархистами и анархическим движением, Союзы опять зашевелились и принялись энергично организовывать трудовую колонию в Союзы Русских Рабочих. В начале 1919 г. в Детройте было уже 6 Союзов с общим членским составом в 1.500 человек — наибольшее число и Союзов и членов в русской колонии одного города. К числу важных работ, предпринятых в это время детройтскими Союзами Русских Рабочих, надо отнести издание двух замечательных книг: „Из программы синдикального анархизма" Новомирского и „Избранные произведения М. Бакунина", распроданных в большом количестве экземпляров.

Начавшиеся палмеровские разгромы и аресты вынудили детройтских союзовцев перейти на нелегальное положение: началась подпольная групповая деятельность. Было организовано восемь небольших групп и связь между ними поддерживалась выборными членами от каждой группы. Почти все подпольные группы состояли из бывших членов первого и второго Союзов. Одна из групп составляла редакционную коллегию нелегального журнала „Вол-

---

Мы живем, согласно заветам Моисея, согласно заветам Будды, Иисуса, Магомета и других человеческих пастырей, но естественнее и логичнее жить согласно тому, что мы сами думаем и чувствуем.

Бласко Ибаньес

„Мы ненавидим войну, ибо она всегда является братоубийственной и разрушительной. Мы стремимся к освободительной анархической революции, мы отвергаем борьбу между народами и зовем к борьбе против господствующих классов. Но когда, к несчастью, конфликт все же возникает между народом и народом, то мы с тем народом, который защищает свою независимость." —

Э. Малатеста

на" (1920-1924), первые номера которого были изданы в Детройте.

Одновременно с нелегальными группами в Детройте была организована легальная „Русско-Украинская Театральная Ассоциация". Она была создана после палмеровских арестов оставшимся на свободе союзовцами. Ассоциация организовала драматический кружок, струнный оркестр и часто ставили русские и украинские пьесы, имевшие большой материальный и моральный успех. Театральная Ассоциация преследовала культурно-просветительные цели и всегда жертвовала материальные средства на издание анархической литературы и периодической печати. Просуществовав несколько лет, Театральная Ассоциация распалась по причине отъезда многих членов в другие города.

В 1926-27 годах в Детройте были организованы две групы для сбора средств помощи политическим заключенным в России. Одна группа называлась Комитет Помощи Политическим Заключенным, а другая Обществом Помощи Политическим Заключенным и Ссыльным. В течении короткого времени этими двумя Комитетами было собрано много средств, устроино ряд лекций и массовых митингов. Комитет Помощи Политическим Заключенным при Профсоюзе собраные средства отправлял в Россию на имя Агнии Солонович, секретаря московского Черного Креста, а Общество Помощи Политическим Заключенным и Ссыльным отправляло собраные средства в Комитет А. Беркмана. В общем комитетами собрано было сверх трех тысяч долларов.

В Детройте после палмеровских разгромов СРР была хорошо налажена связь с местной интернациональной группой, состоявшей из итальянцев, евреев, русских и американских анархистов. Интернациональная группа устраивала общие лекции на английском языке вместе с Индустриальными Рабочими Мира. Лекции читались в большинстве случаев ветеранами американского анархизма — Лабади, Хавелом и др. Позже в Детройте начал выходит журнал „Пробуждение" издававшийся группой лиц, примкнувших к общеколониальной газете „Рассвет", против которой группа, примыкавшая к аршиновскому „Д. Т." энергично боролась с первых дней появления этой газеты. Большинство русских анархистов в Детройте было недовольно направлением аршиновского журнала вообще и его „Организационной Платформой" в особенности. По их взглядам, эти издания во многом способствовали дезорганизации и разложению русско-американского анархического движения.

В конце декабря 1929 г. в Детройте состоялась конференция групп и организаций, примыкавших к изданию журнала „Пробуждение". На конференции присутствовали делегаты из следующих городов: Балтиморе, Елизабет, Кливленд, Чикаго и Детройт. Среди важных вопросов, решавшихся на конференции, были следующие: 1) Издание журнала „Пробуждение", 2) Помощь политическим заключенным в России, 3) Отношение к анархической „партии" и журналу „Дело Труда" и 4) Дальнейшая работа.

„По первому вопросу конференция решила издавать журнал „Пробуждение" от имени Федерации Русских Рабочих Организаций Соединенных Штатов и Канады, раз в два месяца, а затем по возможности переходить на регулярное ежемесячное издание.

По второму вопросу было решено усилить работу по сбору средств в пользу политических заключенных и ссыльных в СССР. По третьему вопросу конференция высказалась отрицательно как к анархической партии, так и к направлению журнала „Дело Труда". И по четвертому вопросу было решено энергично продолжать работу в анархическом направлении и распространять среди рабочих идеи свободы, равенства и справедливости.

Одновременно с конференцией в Детройте состоялся съезд Русских Рабочих Культурно-Просветительных Организаций. Среди других решений съезд вынес резолюцию протеста против арестов и преследований анархистов в СССР следующего содержания:

„Мы представители русских рабочих организаций в Америке, протестуем против усилившихся за последнее время арестов и преследований анархистов в России. Мы также протестуем против осквернения имени этих неустрашимых борцов за свободу и справедливость. Советское правительство, арестовавшее анархистов, называет их бандитами и конр-революционерами. Это безстыдная ложь. Анархисты никогда не были контр-революционерами, о чем свидетельствует вся их прошлая и настоящая деятельность.

Они всегда, в момент революционных восстаний, оказывались в первых рядах восставших и первыми гибли от пуль врагов революции. Советское правительство, нападая на анархистов и их организации, тем самым открыто становятся на сторону бандитов и контрреволюционеров, т. е. врагов рабочих и крестьян. Анархисты — истинные друзья трудового народа и тот, кто их арестовывает — враг рабочего класса и крестьянства. На этом основании мы, как братья рабочих и крестьян, требуем освобождения арестованных анархистов и предоставления им полной свободы в России".

В Детройте была проделана большая материальная и моральная работа по изданию газеты „Рассвет", „Пробуждения", изданию книг и брошюр. В 1951-1955 годах Профсоюзом были изданы следующие книги: М. Неттлау „Очерки по истории анархических идей", А. А. Карелин „Вольная жизнь", А. Николаев „Первые среди равных", Е. З. Долинин „ В вихре революции" (Издательство Друг) и брошюра „Цели и методы анархизма" М. Неттлау.

Большое количесво изданной литературы распространено в Соединенных Штатах, Канаде и в некоторых европейских странах.

С течением времени среди русских анархистов в Детройте возникла мысль о создании Анархического Архива. Эта мысль занимала и многих русских анархистов в Европе и она нашла отклик в русско-американском анархическом движении вскоре после палмеровских разгромов организаций и библиотек. Необходимо было найти безопасное и надежное место для сохранения важных и редких экземпляров анархических журналов, книг, брошюр и бюллетеней. Такое место было найдено в Анн Арборе, недалеко от Детройта, при главной библиотеке Мичиганского университета.

В этой библиотеке имеется большой отдел иностранной и русской анархической литературы. Благодаря стараниям И. Черного русский стдел в течении нескольких лет пополнился многими комплектами русских анархических журналов и газет и отдельными экземплярами редких книг, брошюр, бюллетеней и других документов, изданных в Америке, России и заграницей.

В заключение следует отметить, что старые споры между группами „Дело Труда" и „Пробуждение", возникавшие в большинстве случаев из за газеты „Рассвет", портившие кровь и приводившие к печальным результатам, с течением времени притупились, начались переговоры о совместной работе и издании одного общего анархического журнала. Переговоры и попытки к объединению длились несколько лет и достигли своего финала в 1939 г. на съезде двух федераций, решившим объединиться и издавать один общий орган — „Дело Труда-Пробуждение".

В настоящее время небольшая группа (Профсоюз) активных друзей в Детройте продолжает работать по силе своих возможностей в анархическом направлении и издавать журнал.

Л. Липоткин

КРОПОТКИН — ЛИТЕРАТУРОВЕД

„Идеалы и действительность в русской литературе"

П. Кропоткин (1842-1921) более всего известен как проповедник свободного социализма и противник государственного принуждения, всяких форм политического деспотизма и экономической эксплоатации человека человеком.

Но Кропоткин не ограничивается одною проповедью социальной справедливости, он был многосторонен, всеобъемлющ в своей общественной деятельности. Он известен, как выдающийся географ, исследователь Сибири, два тома о Ледниковом периоде представляют ценный вклад в геологию ,его интересовали вопросы философии, этики, биологии, экономики и даже интенсивное сельское хозяйство.

Во всех этих областях знания П. Кропоткин оставил заметные следы своих добросовестных, глубоких изысканий. И никто так не ценил и высоко не ставил русскую литературу, как Кропоткин. Эта любовь его к родному слову выявляется с первых же страниц книги: „Словесное богатство, — пишет он, — русского языка поразительно: тогда как в языках Западной Европы часто имеется одно только слово для выражения известного понятия — в русском языке имеются два, три или четыре слова для выражения различных оттенков того-же понятия. Русский язык особенно богат в выражении различных оттенков чувств — нежности, любви, скорби, веселья, а также различных степеней того-же самого действия"...

Сказки, песни, былины, сложившиеся еще в период до-христианской Руси, вызывают высокую оценку этого народного творчества. Касаясь мрачного средневековья (татарская неволя), повлекшего уничтожение вольных городов-республик на Руси (Великий Новгород, Псков, Киев и др.) и возникновения вместо них свирепого византо-татарского самодержавия, пресекавшего всякие попытки к свободному мышлению и творчеству, как нечто греховное, как ересь и волхование, — Кропоткин и в этой эпохе отмечает неугасание творческого духа народа, готовность его постоять, умереть за правду. Погибшего на костре „раскольника" протопопа Аввакума (его с попадьею пешком гоняли из Москвы на Амур в Сибири, а потом обратно в Москву, и 14-го апреля 1682 г. сожгли на костре за „дерзкое" письмо к царю) — Кропоткин считает не только великим мучеником, но и одним из родоначальников нашего литературного языка, написавшего свое „Житие" не на преобладавшем тогда церковно-

славянском языке, а простым русским разговорным языком.

Простые сетования Аввакума Кропоткин находит высокохудожественными: „Привели дощаник, — поветствует протопоп, — взяли меня палачи, привели перед него (воеводою Пашковым): он с шпагою стоит и дрожит. Начал мне говорить: поп ли ты или распоп? И аз отвечаю: аз есмь Аввакум прототоп; говори, что тебе дело до меня? Он же рыкнул, яко дикий зверь, и ударил меня по щеке ,тоже по другой, и паки в голову, и сбил меня с ног и, чекан ухватя ,лежачего по спине ударил трижды и разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. А я говорю: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помогай мне!... Да то же, да то же беспрестанно говорю. Так горько ему, что не говорю: пощади!... И я промолвил ему: за что ты меня бьешь? ведаешь-ли? И он велел паки бить по бокам, и отпустил. Я задрожал, да и упал. И он велел меня в казенный дощаник оттащить: сковали руки и ноги и на беть (поперечную скрепу в барке) кинули. Осень была: дождь на меня шел всю нощь под капелию лежал''...

Русская литература и наука рождалась в муках и страданиях. Ломоносов — сын рыбака, добравшийся в Москву из Архангельска пешком, жил в неописуемой бедности во время учения в Москве, в Киеве, в Германии и потом уже на службе в Академии, когда жалованья не хватало и за долги его держали под арестом при полиции, и это был многосторонний ученый — физик, химик, астроном, геолог, поэт, историк, о котором с величайшей похвалой отзывался великий немецкий математик Эйлер.

Н. И. Новиков (1744-1818 г.), начинавший писать в сатиристическом журнале, возникшем по инициативе Екатерины 2-ой, разошелся во взглядах с „бабушкой'' и первым заговорил о вреде крепостного права. Его публицистическо-издательская деятельность была пресечена арестом в 1792 г. по требованию „бабушки'' (Екатерины 2-ой), запрятавший его в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Павел 1-ый освободил его в 1796 году в первый же день своего царствования.

М. Р.

(Окончание в следующем номере)

"РЫЧАГИ"

Так называется рассказ сов. писателя Александра Яшина. Рассказ этот, как и роман В. Дудинцева „Не хлебом единым'', пришелся не по вкусу сов. власти, и против него была пущена казенная критика. В виду невозможности перепечатать рассказ полностью (недостаток места) — передаем из него лишь самое главное.

В каждом колхозе, кроме нужных колхозных построек, имеется здание, предназначенное для колхозного начальства. Вот в таком здании, освещенном керосиновой лампой и пропитанном дымом махорки, за квадратным сосновым столом сидели вечером четыре собеседника: председатель колхоза Петр Кузьмич Кудрявцев, животновод Степан Цыпышев, бригадир Иван Коноплев и кладовщик Сергей Щукин. Они не только руководили колхозом, но, вместе с учительницей Акулиной Семеновной, составляли парторганизацию. Других членов в парторганизации не было. Рядовые колхозники туда не входили, а возможно, и не допускались.

Четыре собеседника пришли в колхозную контору для проведения требуемого районом собрания парторганизации. В ожидании Акулины Семеновны, члены ячейки, полагая, что в доме никого больше нет, вели непринужденный разговор. Кладовщик Щукин доложил, что, по слухам в сельпо регулярно прибывает сахар, мыло, иголки и друг. предметы, но куда все это девается — никто не знает. Где правда? — спрашивает Щукин.

Надо отметить, что Щукин — самый молодой из собеседников. В партию он вступил недавно. До этого он был простым колхозником. Как только вступил в партию,немедленно заявил колхозной администрации, что ему, как партийному, не подобает больше оставаться простым колхозником. Администрация с ним согласилась и назначила его на должность кладовщика. И вот он теперь ищет — где правда?

— Зачем тебе правда? — перебил Коноплев — Ты сейчас — кладовщик, а не простой колхозник.

— Ну, правда, вмешался Кудрявцев — всем нужна. На ней все держится. Только я, мужик, чего-то тоже не понимаю. Не могу понять, что у нас в районе делается. Вот ведь сказали — планируйте с низу, пусть колхоз решает, что ему выгодно сеять, что нет. А план не утверждают. Третий раз вернули для поправок. Видно, собрали все колхозные планы, сбалансировали, и вышло — с районным планом не сходятся. А районный план дают сверху. Тут кумекать много тоже нельзя. Ну, и нашла коса на камень. Искры летят, а толку нет. От нашего плана опять ничего не осталось. Вот тебе и правда! Не верят нам.

— Правду у нас в районе сажают только в почетные президиумы, чтобы не обижалась да помалкивала, — сказал бледный Коноплев и бросил окурок в горшок, стоявший на столе.

Вставил свое слово и Щукин:

— Правда нужна только для собрания, по праздникам, как критика и самокритика. К делу она неприменима, — так, что ли выходит?

Цыпишев, как секретарь ячейки, не решался вмешиватся в такой разговор.

— Ладно, руби, да знай, куда щепки летят, — заметил он Щукину. Но тут же добавил: — Правда, брат, она есть правда... А вот тебя посади в почетный президиум, ты тоже перестанешь правду видеть.

— Был я на днях в райкоме — продолжал Кудрявцев. — Что же, говорю первому секретарю, вы с нами делаете? Не согласятся колхозники план третий раз изменять. Нам лен нужен. Под лен и лучшую землю отводить следует. А опыты у нас уже были и с кроликами и с травопольем. Сколько людей зря извели. Хлеба не стало — государству же вред. Дайте, говорю, хоть десять, ну двадцать гектар на первый раз, а не сто, не тысячу. Привыкнем — сами прибавим, сами будем просить больше. Давайте не сразу... „Нет, говорит, сразу. Надо, говорит, план перевыполнить, надо активно внедрять новое." Активно-то, говорю, активно, да ведь у нас север, народу мало, и земля — она своего требует. Людей убеждать надо. Ленин указывал — активно убеждать надо. А он говорит: „Вот ты и убеждай! Мы тебя раньше убеждали, когда колхозы организовывали, а сейчас ты убеждай других, проводи партийную линию. Вы, говорит, теперь наши рычаги в деревне."

— Накаленная атмосфера, — вставил Щукин.

— Не так себя поставил, — продолжал Кудрявцев. — Люди для него — только рычаги... Все сам решает, смотрит свысока... Он думает, что партия авторитет потеряет если он с народом будет разговаривать, как человек, по-простому. Ведь знает, что получаем в колхозе по сто граммов на трудодень, а твердит одно: с каждым годом растет стоимость трудодня и увеличивается благосостояние. Коров в нашем колхозе не стало, а он: с каждым годом растет и крепнет колхозное животноводство. Скажи: мол, живете вы неважно потому-то и потому-то... но будем жить лучше. Скажи — и люди охотнее за работу возьмутся.

—Накаленная атмосфера, — опять заключил Щукин.

Иван Коноплев докуривал новую цыгарку, нервничал и все порывался сказать что-то — видимо, резкое и едкое, но тяжелый астматический кашель вдруг схватил его и вывел из-за стола. У порога Коноплев поднял веник и долго плевал в угол...

— Начальники наши районные, — начал Коноплев, не отходя от порога, — с народом разговаривать разучились, стыдятся... Дома заколоченные в деревне видят, а сказать об этом в слух не хотят. Только и заботы, чтобы в сводках все цифры были круглые. А как люди, что люди, с чем они остались?.. — Коноплев опять закашлялся и начал плевать...

— Куда сыплеш, дохлой? Не тебе подметать. Пол только вымыла, опять запаскудил весь.

Тут только разговаривавшие заметили, что на широкой русской печи лежала старуха — уборщица конторы Марфа. Непринужденный разговор сразу оборвался. Все почувствовали себя, как мальчишки, пойманные на чужом огороде. Все попытки наладить опять разговор, даже при помощи шуток, ни к чему не привели.

— И чего мы боимся, мужики? — спрашивал Кудрявцев. — Ведь самых себя уже боимся.

Из неловкого положения вывела учительница Акулина Семенова, наконец пришедшая на собрание с извинением, что „дела" в школе задержали.

Так как присутствие посторонних на партсобраниях строго воспрещается, то уборщице Марфе приказали слезать с печки и „выйти куда-нибудь," что она беспрекословно и сделала, хотя в сущности ей некуда было идти, ибо своего угла в колхозе она не имела.

— Итак, товарищи, начнем. Все в сборе, — произнес Ципышев таким тоном и с таким видом, словно перед ним находилось не пять человек, а несколько десятков.

Председательствовал на собрании Кудрявцев, обязанности секретаря выполнял Ципышев. Речи говорили все, но речи эти были — явная противоположность тому, что говорилось до собрания.

— Товарищи, — сказал Кудрявцев. — Райком и райисполком не утвердили нашего плана. Я считаю, что мы кое-что не предусмотрели и пустили на самотек. Это не к лицу нам. Мы не провели разъяснительной работы с массой и не убедили ее. А людей убеждать надо, товарищи. Мы с вами являемся рычагами партии в колхозной деревне — на это нам указали в райкоме и райисполкоме...

Щукин, видя такое внезапное „перерождение" председателя, пробовал улыбнуться, но Коноплев толкнул его:

— Ладно уж, почти шепотом произнес Коноплев. — Не мешай ему выговориться. Так надо. Петр Кузьмич сейчас в своей должности. Как в районе, так и у нас...

Речь Кудрявцева сводилась главным образом к тому, что боеспособность партийной организации район поставит под сомнение, если начать противоречить району. С этим согласились все выступавшие в прениях. Иначе было нельзя... Расхождений во мнениях не обнаружилось, как не было их и во время той дружеской беседы, которая велась до начала собрания.

Яшин в своем рассказе, как видно, хотел подчеркнуть, что правду отстаивают только подвластные. Когда же люди облачаются силой власти — они правду забывают. Пока говорили „про себя" — все были недовольны высшим начальством. Ког-

да же начали говорить официальным языком — пошли в ногу с районом.

Да, власть порит даже колхозников...

Ничего Яшин не говорит и о „новом", которое колхоз, по требованию района, должен внедрять. Но речь идет, по всей вероятности, о пресловутой хрущевской кукурузе. Ссылаясь на то, что колхоз находится в северной части страны, колхозники отказываются сеять кукурузу, наперед зная, что из этого ничего не выйдет. Но приказы идут сверху. Скачи враже як пан каже...

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Ф. П. Коваленко.

Федор Платонович Коваленко родился 24 декабря 1899 года в бедной крестьянской семье Волынской губ. Кременецкого уезда, Белозорской вол., в селе Щасновка. До призыва в армию Ф. П. безвыездно жил в родном селе, работая с родителями, на небольшов дедовском участке земли, а когда нужны были деньги на соль или же на керосин, то шел к помещику на поденные работы. Так жила не только семья Ф. П. — так жили и остальные селяне.

Несмотря на затяжную первую мировую войну, Ф. П. пережил ее, остался жив и здоров. Сначала февральская, а за тем октябрская революция 1917 года, произвела на впечатлительного Ф. П. огромное впечатление. Ф. П. начал читать (он окончил начальную сельскую школу) попадавшиеся ему газеты и журналы. Начал учится, как говорят уму-разуму.

В гражданской войне Ф. П. принял самое живое участие, вступив в красную гвардию, сформировавшуюся в его уезде. Тяжелую чашу пришлось ему испить до дна, находясь в радах войск и рискуя своей молодой жизнью каждый день. Ежедневно города и села переходили от противника к противнику, всегда с большими потерями человеческой жизни. Пришлось закаляться в этой длительной гражданской войне, которой, казалось, не будет конца. Много раз Ф. П. был ранен в штыковой атаке, временно выбывал из строя, но когда раны заживали, он опять возвращался в ряды войск, боровшихся, как казалось, за фабрики для рабочих, за землю для крестьян.

Так продолжалось до конца 1921 года, когда Ф. П. оставил наконец, армию и поступил в балтийский флот простым матросом. В США Ф. П. прибыл в 1922 г. Первая работа его была в туберкулезной больнице в городе Либерти, в штате Нью Йорк. Без языка, среди чуждых людей Ф. П. жаждал читать, но ничего не имел на русском языке. Он попросил автора этих строк придти на помощь присылкой газет, журналов и книг на русском языке. Этой духовной пищей я снабжал Ф. П. долгое время, получая в благодарность большие письма, написанные искрене и задушевно. Потом Ф. П. переехал в Нью Йорк, где принял живое участие в работе прогрессивных организациях, издававших безвластнические газеты и журналы.

В этих изданиях Ф. П. часто писал свои воспоминания о России. Ф. П. окунулся телом и душой в рабочее движение, отдавая свой досуг безвозмездно прогрессивному анархическому движению.

С переездом в Детройт Ф. П. около 30 лет работал „тулмейкером" и неплохо зарабатывал. Когда Ф. П. стукнуло 65 лет он должен был выйти на пенсию по заводскому уставу. Вначале 1956 года Ф. П. переехал на постоятельное жительство во Флориду. В Детройте Ф. П. принял живое участие в кооперативном и в анархическом движении. Был членом 72 отдела Об-ва РООВА.

Я часто переписывался с Ф. П. Летом 1955 г. случайно проездом я был в Детройте. По душам наговорились. Ф. П. жаловался, что у него высокое давление крови, диабет, спинная чахотка и другие болезни. На прощание он неожидано обнял меня приговаривая: „Вы для меня сделали все, что могли в первые годы на чужбине, а я так ничем не могу отблагодарить за все это вам...."

Случай, однако, представился. Зимой 1956 года я с семьей поехал во Флориду, писал Ф. П., что заглянем к нему. Приехали ночью, позвонили. Вскоре у станции показался новенькій автомобиль, ненадолго купленный, на котором гостеприимные хозяева на другой день возили нас по городу, пока-

зывая его достопримечательности и тем самым как бы отплачивая за все прошло.

Ф. П. имел природные способности, острое наблюдение, добрую и чистую душу, достиг в часы досуга скромного знания и этим знанием делился часто на страницах анархической печати. До конца своей жизни он остался кропоткинцем и верил, что рано или поздно счастливая общественная жизнь наступит на нашей грешной земле, жизнь без горя, без эксплоатации человека человеком, жизнь подлинно АНАРХИЧЕСКАЯ.

В теплой и солнцем ласкавой Флориде Ф. П. прожил семь лет. „Здесь я не живу, мучаюсь, гнию, мое здоровье тает, как лед весною, ноги отказываются носить туловище... Я стал полным инвалидом.... Дни моей жизни сочтены." Так часто писал мне Федор Платонович, прося меня не забывать его, обреченного на прозябание...

Умер Ф. П. на 74 году жизни. Думал тихо и спокойно прожить остатки своей жизни во Флориде, но болезни точили его тело, не давали ему ни днем ни ночью покоя. Пять раз побывал в больнице, перенес несколько тяжелых и мучительных операций, последнюю 21 мая слабый организм уже не мог перенести... 25 мая умер спокойно.

По желанию Ф. П. тело его было сожжено и пепел был вынесен в море и пущен с ветром. Так закончилась жизнь труженика за народное общественое дело, за будущий анархизм. Он жил, суетился, боролся, мечтал о лучшей жизни на земле. И если бы больше таких людей было, то жизнь наша во много раз была бы лучше и краще.

Д. Г-ч.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО КОВАЛЕНКО

Умерший 25 мая Ф. Коваленко вел обширную переписку, и все его письма были интересны. Ниже мы помещаем одно из таких писем, написанное незадолго пере смертью. (Письмо датировано 12 мая) **Ред.**

***

Ув. тов. Ч... Твое письмо явилось сюрпризом. Признаться — был рад, ибо в понедельник, 13 мая, иду в госпиталь, а 14-го, вероятно, буду иметь операцию, после которой, возможно, последую за моими друзьями... Операцию нужно было делать еще тогда, когда я был в Хат Спринг, Аркэнсо, но я сплоховал, отказался по той причине, что успешный исход операции не был обещан. К тому же я думал, что болезнь сама собой пройдет. Но не прошла. Теперь она укоренилась так крепко, что просто жить стало не в моготу. Даже с палкой тяжело передвигаться, а боль все усиливается. Чтож, прожил 73 года — пора и честь знать... Умирают же люди в 40, 50 лет... Операцию давно обещали, но все искали: оплачу-ли я щедро за работу. Болезнь запущена, — едва-ли операция поможет. Влачить жалкое существование — нет смысла, а уйти из жизни по своей воле — не могу. Словом, свет клином сошелся....

Я почему-то думаю — и думаю серьезно — что, живи я холостяком, со мною несчастья не случилось-бы. Два года назад я был настолько здоров, что Ситников не мог устоять против меня. А он — парень изрядно здоровый... А теперь?.... Вот она — проклятая болезнь... Экс-рей показывает, что нервы на левой стороне зажаты, что и причиняет боль и мешает ходить. А тут еще несчастье: на прошлой неделе меня ограбили на 300 дол., а с вещами — на 400 долларов. Но жизнь пощадили... Правду говорят: где тонко, там и рвется. В течении всей своей жизни я таких несчастий не имел...

Будь здоров и счастлив. Привет всем нашим. Пиши...

Ф. Коваленко

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ

В поисках выхода

Хотя я не являюсь анархистом, в обычном смысле этого слова, но анархическое движение меня очень интересует. Я ищу выход из создавшегося безвыходного положения. И чем больше я задумываюсь над вопросом: где выход? тем больше прихожу к заключению, что только в анархизме может быть выход. Под знаменем анархизма могут объединиться все поборники света и справедливости, независимо от их расовых, классовых или национальных происхождений. Анархизм не спрашивает: како верующи? Анархизм, как мне кажется, охотно принимает в свои ряды всех, кто готов честно и бескорыстно поработать на ниве общечеловеческого счастья.

Современный строй насквозь прогнил. В одном месте душат людей рублем, а в другом дубьем, как любил выражаться Н. Рубакин. Частный капитализм отравляет сознание людей мнимой возможностью всем стать Ракефеллерами, а государственный капитализм просто держит население на положении тьремных заключенных. Там такой отравляющей отравы, как при частном капитализме, нет, но за то там есть прочно сплетеная плетка

Где же выход? Плетке, конечно, нужно противостоять плетку же, а отраве... оздоравливающее средство. Таким средством, по моему мнению, могла бы быть третья партия, не зараженная ни частным, ни государственным капитализмом. Партии этой следовало бы дать самое простое и всем понятное название: Трудовая партия. Слово „анархизм" способно кое-кого отпугнуть. Слово „синдика-

лизм" тоже не всем нравится. У людей еще много предрассудков и они часто боятся того, чего никак не следовало бы бояться. Но ,,трудовая партия" никого не может вбросить в дрожь. Этот термин всем понятен и всем приемлем.

Давайте же перестанем расточать свои силы по пустякам. Перестанем ссорится. Если кому нравятся вольные коммуны, — хорошо, пусть будут коммуны. Если кто сильно заинтересован фабрично-заводскими комитетами — хорошо, пусть интересуется этим. Меня больше всего интересует земельный вопрос — раздача земли всем желающим работать на ней — и я думаю, что мне в этом тоже никто не должен мешать. Свое будущее мы можем представлять в самых разнообразных видах, но в настоящем у нас у всех одна и та же задача: противостоять наиску плутократии и бюрократии. Иначе все честное и разумное может погибнуть. В одном месте земного шара будет править свой шабаш ,,желтый дьявол" а в другой ,,красный дьявол".

Ч. С.

(От Ред.: Являясь сторонниками свободы слова, мы даем возможность тов. Ч. С. высказать свое мнение, хотя и считаем, что никакая политическая пратия — третья или двадцатьтретья — не может облагодетельствовать человечество. Стремиться, по нашему мнению, нужно не к созданию новых партий, а к устранению старых, уже существующих. Общество должно быть не только бесклассовым, но и беспартийным).

НА ПУТИ К МИЛЛИОНАМ

Хочется рассказать о человеке, которого при его жизни почти никто не знал, а после смерти все узнали. Имя этого человека — Феодосий Когут.

Приехал Когут в Соедин. Штаты из Галиции еще до первой мировой войны и поселился в Детройте. Сначала, как и большинство его земляков, работал физически, а потом в районе Форест открыл небольшую бакалейную лавочку, в которой он простаивал с раннего утра до позднего вечера. Тут же и жил сзади лавочки. Жизнь ему дорого не стоила, ибо за отдельную квартиру не приходилось платить, поэтому хотя оборот в торговле был небольшой, но сбережения накапливались. Так прожил Когут десятки лет. Жил бы еще так, если бы не почувствовал острой боли в костях и суставах. Десятки лет проведенных в сыром помещении, взяли свое: Когут заболел ревматизмом. После этого Когут вынужден был ликвидировать свое дело. Поселился в небольшой гостиннице на Пиквит улице и начал вести праздный образ жизни. Когут не пил, не курил, не увлекался никакими развлечениями. Почти все свое свободное время проводил в русско-американском клубе на Мекниколс улице. Там он читал русские и украинские газеты, пил кофе или чай и прислушивался к спорам других. Сам он в споры почти никогда не вступал. В общем, всегда держался в тени, мало кем замечаемый. В конце концов и такой образ жизни стал невозможен. Болезнь усилилась и Когут вынужден был слечь в Херман Кейфер госпиталь, где 30 января с. г. и скончался.

Только после смерти Когут предстал, как говорится, во весь свой рост. Когда адвокат вместе с несколькими доверенными лицами пришли в банк и открыли сберегательный ящик Когута, то там обнаружилось чуть-ли не полумиллионное состояние. Денег наличных и ценных бумаг в сберегательном ящике оказалось на сумму 363 тысячи. Говорят, что Когут еще где-то и в другом месте хранил свои сбережения.

Собрал такую большую для простого человека сумму денег Когут, конечно, не торговлей в лавке, а спекулированием на бирже. Каким-то своим простым чутьем Когут угадывал доходность акций и всегда покупал те, которые приносили хороший доход.

Известность Когуту, однако, дали не его тысячи, а его завещание. Чувствуя близкость смерти, Когут, вероятно, с кем-то говорил об этом, и по чьему-то совету сделал завещание. Большую часть своих сбережений (250,000) Когут завещал детройтскому музею, 20,000 госпиталю, в котором находился, 2,000 сестре милосердия, за ним присматривавшей, а остальные.... попали в карманы большевиков. 50,000 дол. пойдут в СССР, где живут четыре сестры Когута. Каждой сестре Когут завещал по 12,000 дол., но, конечно, ни одна из сестер полностью этой суммы не получит, а, возможно, что и ничего не получит: все достанется правительству. ,,Русскому Голосу", в который каждый день Когут заглядывал, досталось 5,000 долларов, столько же досталось газете на украинском языке. Клубу, в котором Когут коротал свои дни (Когут не имел ни семьи, ни жены), завещано 3,000 дол., а остальные деньги завещаны частным лицам — кому 10 тысяч, кому меньше.

Самое интересное тут то, что Когут вел, как ему казалось, хороший образ жизни (не пил, не курил, не развратничал, как замечено выше) и общался с хорошими людьми. Большевиков он принимал за людей весьма порядочных и во всех отношениях честных и преданных рабочему делу. Сам он большевиком, повидимому, не был, но сочувствовал большевикам. Отсюда видно, как вредна та ложь, которую большевики распространяют. Посещая большевистский клуб и слушая их лживые речи, Когут полагал, что он попал в общество самых лучших людей, поэтому и оставил им часть своих сбережений.

К. С.

КТО ИНТЕЛЛИГЕНТ?

У меня есть знакомые — муж и жена — доказывающие мне, что интеллигентом является тот человек, который изысканно одевается, ходит с тро-

сточкой в руке и почтительно со всеми раскланивается. Я с ними не соглашаюсь. Я им доказываю, что интеллигентом следует считать того человека, у которого чуткое сердце, кто никого не обманывает, никого не обижает и кто всегда спешит на помощь туда, где в помощи нуждаются.

Ф. К.

(От Ред.: Интеллигент, как и рабочий или же буржуа, определяется не поведением и не нарядами, а занимаемым им положением в обществе. Положение интеллигента в современном обществе, как это ни странно, сходно с положением рабочего. Рабочий, как известно, ничего не имеет (не собственник) и живет исключительно плодами своїх трудов — заработной платой. Интеллигент тоже ничего не имеет, и тоже живет плодами трудов своих — заработной платой. Но рабочий получает вознаграждение за физический труд, а интеллигент — за умственный. Умственный труд, конечно, не такой изнурительный как физический, и оплачивается он лучше. В этом, пожалуй, единственное расхождение между рабочим и интеллигентом. В остальном они — одинаковы: пренадлежат к числу эксплуатируемых. Правда, среди интеллигенции широко развиты свободные профессии: врачи, адвокаты, учителя и т. д. Но есть свободные профессии и среди рабочих. Быть может, не так много, но все же есть. Правда и то, что некоторые интеллигенты тянутся к высшим слоям общества, и в случае успеха переходят из класса эксплуатируемых в класс эксплуататоров. Но подобная тяга наблюдается и среди рабочих (тоже мечтают о богатстве и „бизнесе“). Неосознанность своего положения одинаково присуща как интеллигенции, так и рабочим. Быть может, интеллигенции больше, чем рабочим, но это положения не меняет. Стало быть, интеллигентность человека определяется не щегольскими нарядами и не качествами седца, а занимаемым в обществе положением и, конечно, воспитанием).

БРИДЖПОРТ, КОНН.

Когда я приехал в Бриджпорт, то там была только социалистическая организация. Но я тогда не знал, что такое социализм, ибо никаких книг не читал. Из таких, как я, состояла почти вся русская колония города Бриджпорта. Но вот грянула в России революция... Русские люди, а молодежь в особенности, начали ко всему прислушиваться, всем интересоваться. Появились организации, закипела работа. Бриджпорт не отставал от других городов. Там тоже появился Союз Русских Рабочих. Сняли большое помещение, открыли школу. Кто изучал грамматику, кто автомобильное дело, кто столярное. А по воскресеньям и субботам читались лекции на политические темы. Каждый старался что-нибудь изучить, каждый мечтал о том, что он поедет в Россию, привезет туда свои знания и поможет своим братьям, совершившим революцию.

Но мечты не сбылись. Нагрянула палмеровщина... Палмеровские молодцы пришли в помещение как раз во время урока по автомобільному делу. Арестовали всех, даже тех, кто случайно оказался в школе и к СРР не принадлежал. Опьяневшие от безумия палмеровцы учинили настоящий погром: поломали мебель, порвали книги и наградили синяками людей, находившихся в школе. После этого многие с опаской даже на улицу выходили. В каждом подозрительном типе, шедшем навстречу, видели палмеровца.

Но те идейные работники, которым потом удалось выйти из тюрьмы (не всех депортировали в Россию) не пали духом. Начали собираться, начали кое-что делать, сначала нелегально, а потом легально. Многому помогла существовавшая тогда в Бриджпорте русская читальня Там собирались, туда же перенесли и то, что уцелело от палмеровских погромов. Основали новую организацию, которой дали название „Прогрессивное Общество“. Снова открыли школу — для детей и для взрослых. Дети изучали русский язык, а взрослые — электричество. Открыли ресторан, в котором приготовлялась вкусная и недорогая пища. Работа снова пошла.... Увы, недолго так продолжалось. Началась депрессия и все захирело. Ресторан долгое время отпускал бесплатные обеды безработным, но в конце концов и ресторан должен был закриться.

В организации осталось не больше десяти человек, которым не под силу было оплачивать помещение. Нашли более дешевое, — но и там не могли устоять. В один из воскресных дней решили созвать массовый митинг, на котором предложили собравшимся организовать в Бриджпорте общество взаимопомощи. Предложение было принято. Общество организовалось и стало известно как общество имени Л. Н. Толстого. Так как взаимопощь — дело беспартийное, то вскоре туда затесались большевики и по инструкциям из центра, завладели обществом. Имя Толстого было выброшено и вместо этого славного имени появилось ИРО, которое тоже уже в могиле. Русский Бриджпорт уходит в небытие. А ведь когда-то он шумел....

Н. К.

РОДНОЕ ДИТЯ

Когда я думаю, что журналу „Дело Труда-Пробуждение“ когда-нибудь придется прекратить свое существование, то я испытываю то же самое, что испытывает мать в тот момент, когда в ее голове промелькнет мысль о возможной смерти или же о возможности несчастного случая с ее ребенком. И как мать гонит от себя прочь такую мысль, так и я стараюсь чем поскорее освободится от неутешительной перспективы. Журнал наш должен существовать! Весь остаток своих сил мы должны употребить на это. Хотя нас уже немного осталось

(беспощадная смерть косит наши ряды), но иногда и немногие могут делать большое дело. Говорят, что библейский полководец Гедеон пошел воевать только с теми солдатами, которые утоляли свою жажду, беря воду пригоршнями, а не большим кувшином. И воевал он успешно, ибо все его солдаты были терпеливы и выносливы. Запасемся же и мы терпением и выносливостью, а также и верой в свои собственные силы. Будем хранить и оберегать наш журнал, как мать оберегает свое родное дитя.

М. Х.

СВЕТ И ТЕНИ

№66 „Дело Труда-Пробуждение" мне понравился. Много в нем хороших статей. Некоторые статьи можно даже назвать замечательными. Но есть в этом номере и кое-что такое, что звучит диссонансом. Например, „Христос по духоборрчески" совсем не подходит, по моему мнению, для такого журнала, каким является „ДТП". Мало подходит и „Неосознанный анархизм". Но, очевидно, этого нельзя ибежать. Где свет — там обязательно должны быть и тени. Возможно даже лучше, если есть контрасты. Толстой не раз утверждал, что если бы не было болезней, то люди не знали бы цены здоровью.

В. Д.

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уваж. товарищи. Посылаем вам 176 долларов, из которых 16 дол. выручены от продажи журнала, а остальные — пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: Д. Савчук — 100 дол., М. Волынский — 20 дол., И. Черный — 15 дол., М. Горейко — 5 долларов. Из Канады поступило от И. Усатого — 10 дол. и из Сан Франциско от Н. Г. — 10 долларов.

Всем жертвователям — большое спасибо. В связи с этим следует сказать, что издание „Дело Труда-Пробуждение" в наше время является большей необходимостью чем когда бы то ни было. Во всех странах, где есть хотя бы относительная свобода слова, анархизм приобретает права гражаданства. Его уже нельзя замалчивать, о нем уже говорят. Нашу литературу — книги, газеты и журналы — требуют во все библиотеки, как городские, так и в библиотеки университетов. „ДТП" посылается везде, где только есть отделы иностранной литературы. Положение тех стран, где анархизм задушен — СССР и некоторые страны, где господствуют фашисты — еще более подчеркивает, что такой печатный орган, как „ДТП", должен время от времени появляться в свет. Из СССР мы не можем услышать свободного слова. Там все сковано, все задушено. Свободное слово может раздаться только на страницах „ДТП", издающегося вне досягаемости красного спрута. Вот почему по нашему мнению, журнал „ДТП" в наше время необходим больше, чем когда бы то ни было.

В прошлых номерах „ДТП" мы отмечали имена некоторых товарищей, пожертвовавших на издание журнала по 50 долларов. К этим именам теперь прибавилось еще одно имя, — имя нашего старого друга и товарища, Д. Савчука, пожертвовашего на № 67 100 долларов. Выражаем великую благодарность т. Савчуку и вместе с тем надеемся, что другие товарищи тоже последуют его примеру. Нет сомнения, что у нас еще есть порох в пороховницах, нужно лишь постараться, чтобы этот порох не залеживался и не покрылся пылью.

Профсоюз

Поправка

В стихотворении „Страницы из истории", напечатанном в прошлом номере „ДТП", вкралось несколько опечаток, нарушающих музыкальность стиха.

В первой колонке, 10-я строчка сверху напечатано: „Всем привился со рвеньем". Должно быть: „Всем **прививалася** со рвеньем".

В той же колонке, в 26 строке сверху напечатано: „Тянул с сытых и с голодных". Должно быть: „**Тянули** с сытых и с голодных".

Во второй колонке, в 20 строке снизу напечатано: „Поэтому материализм". Должно быть: „Поэтому матерьялизм".

FREEDOM — ANARCHY

„Фридом" — еженедельная анархическая газета на английском языке.

„Анархия" — ежемесячное приложение к „Фридом".

Подписная цена на оба издания 5 дол. в год.

Чеки и денежные переводы просят выписывать на:

FREEDOM PRESS
17-a MAXWELL ROAD
LONDON S. W. 6, ENGLAND

ПОМОЩЬ ЖУРНАЛУ.

Сант Лувис, М. Хведченя — 26 д., М. Радивончик 10 д., **Нью Йорк,** Н. С. — 1 д., Громм — 15 д., Горбацевич — 5 д., **Лос Анжелес,** Д. Атрик — 5 д., **Чикаго,** Качула — 11д., Постоянный читатель — 14 д., **Поланд,** С. Медынич — 10 д., Кубик — 5 д., Шумко — 4 д., **Милвоки,** Б. Саржент — 12 д., **Авока,** 1 д., **Джексон,** Н. Дж., Дубас — 10 д., **Ист Бронсвик,** Ф. Чер-ц — 10 д.

„НОВЫЙ ЖУРНАЛ"

Общественно-политический и литературный орган. — Выходит периодически в форме большой книги.

Адрес:
NEW REVIEW
2700 BROADWAY NEW YORK, 25, N. Y.